

0-73

Александр,
Осинский

525481

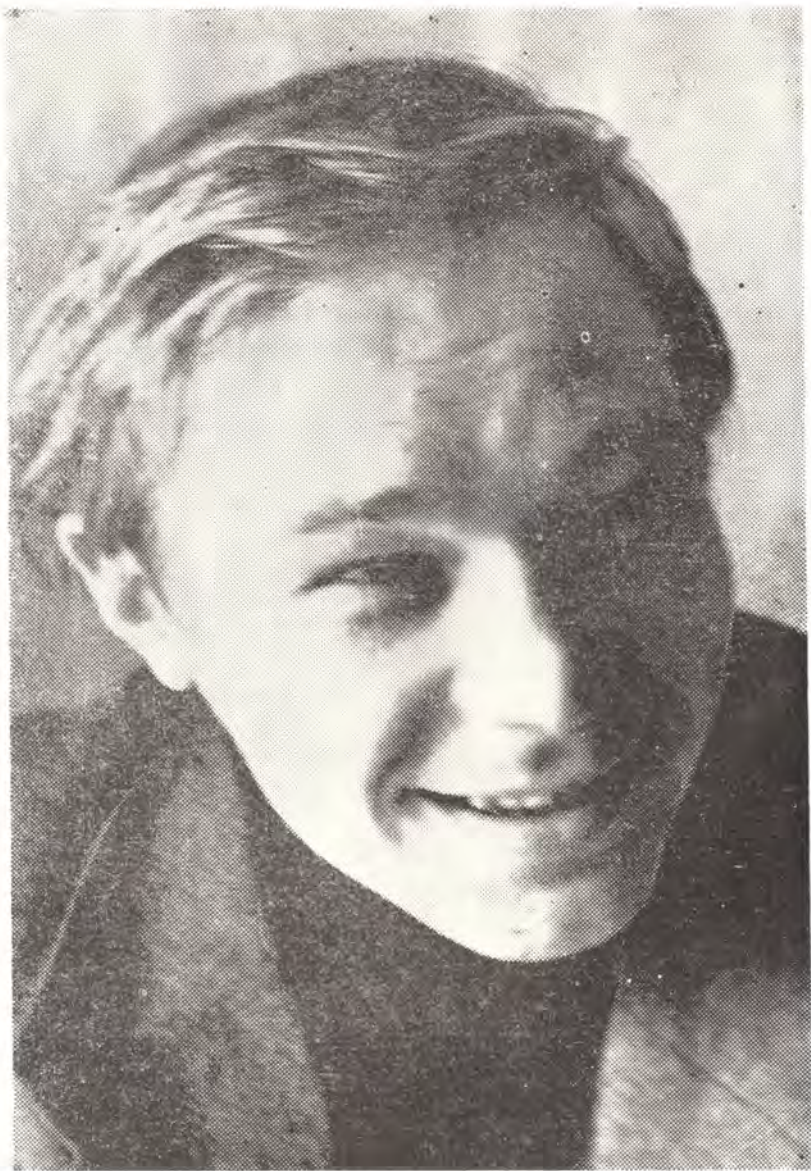
Тлитые
минуты
в строчку...

*Саша гордился тем, что он
член Союза журналистов СССР
и с радостью носил значок
журналиста.*

*Значок этот, как и все остальное,
чем он жил, теперь всегда будет с
ним и с нами.*

**Любимой матери и друзьям
посвящается эта книга.**

Помните известные поэтические строки «о людях, что ушли, недолюбив, не докурив последней папиросы»?

С полным правом можно отнести к ним и североказахстанского журналиста Александра Осинского.

И все-таки творческие личности просто так не уходят, а остаются. если уже продолжать мысль автора тех же знаменитых строк Николая Майорова «в бронзовых ваяньях, в столбцах газет, в набросках на холсте».

В эту книгу А. П. Осинского, безвременно ушедшего из жизни, вошло то немногое что вышло из под его журналиского пера, но и частично то, что ставалось как бы за «кадром» его работы в газете — а именно очень емкие, наполненные большим внутренним смыслом новеллы, объединенные в цикл под названием «маленькие сюжеты», поэтические творения, броские зарисовки с довольно любопытными наблюдениями и т. д. А короче все то, что может быть в творческом багаже человека одаренного, неординарного, находящегося в постоянном поиске, а потому и представляющего несомненный интерес для читателей.

Северо-Казахстанская
областная организация союза
журналистов Казахстана.

[Handwritten signature]

*Александр,
Осинский*

**Отлитые
минуты
в строчку...**

*Оформление и рисунки
П. И. Осинского.*

г. Петропавловск

Спонсорами в издательстве книги выступили;
АО «Черкасское» Генеральный директор

Н. С. Пильтяев.

Агрофирма «Советская», Генеральный директор

О. М. Паль.

525481

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

Отец о сыне

Их было у нас трое: Вадик, Саша и Володя. Хвалить своих детей неположено, очернять тоже не хочется. В общем дети, как дети, разве что росли более развитыми своих сверстников. Более развитыми они были благодаря матери.

Ей ничего не стоило, например, после 12-14 часов уроков читать им сказки столько, сколько они этого хотели. Чтение могло прекратиться лишь тогда, когда Саша начинал замечать, что мама говорит что-то не то — спит. Спит, но читает. Но даже в этом случае, если бы он попросил мать почитать сказку сначала, она бы это сделала и делала без конца.

Я тоже читал, а сколько читала бабушка?

Но когда Саша, как мне, казалось, отвлекался и смотрел куда-то в сторону, я начинал перескакивать строчки, а то и страницы. Не успев это сделать, он тут же требовал вернуться к оставленному листу. Отвлекаясь, он слушал. Слушал и впитывал, что слышал.

Потом дети читали сами. Читали всю жизнь.

С 5-6 лет начались выходы в театр (кино не в счет). Идя на представление, одевались по-праздничному. Обязательным атрибутом был старенький, театральный бинокль, который мать (тогда еще студентка), чудом сохранила в блокадном Ленинграде, и голодная везла его с собой в Сибирь.

Потом добавилась любовь к лошади, видимо, перешедшая от бабушки, да и от матери, которая в 7 лет, сидя на лошади, боронила пашню.

Лошадей Саша не просто любил, в 10-12 лет он был уже знатоком чистокровной орловской лошади, арабской, английской и др. пород. Знал их происхождение, экстерьер, родословную, рекордистов.

Чтобы увлечение не прекратилось вдруг, была сделана покупка лошади. Отремонтировали дорожки. Косили литовкой траву. Сидя на свежескошенной траве, Саша управлял лошадей, за ним сидел я и мать, а сзади бежала наша домашняя собака.

Сыновья Вадим, Володя, Саша
ноябрь 1965 г.

В это время состоялось наше знакомство со старейшим, как он себя называл, гипнологом страны — 90-летним Борисом Александровичем Шебениным. (гипнос — по-гречески лошадь).

Сколько интереснейших историй было рассказано Б. А. Шебениным, подарено будущему преемнику-коневоду альбомов и уникальных изданий о лошадях, в том числе, книги о лошади князя Урусова.

Не став ни артистом, ни коневодом, он сохранил любовь к искусству и лошадям.

В нашей семье всегда было много гостей. Любили петь, играть на гитаре.

Саша, уже взрослым, дурачась с 8-летней племянницей Иринкой, весело напевал песенку «конфетки-бараночки», часами прокручивал инвенции Баха и песни Вертинского «Чужие города». Тяжелобольным слушал музыкальные наброски младшего брата Володи, на один из которых Владимир Георгиевич Шестериков — поэт Казахстана, напишет, стихотворение «Память», посвятив его Саше,

Много рисовали.

В такой вот обстановке дети росли и выросли

Безусловно, улица оказывала свое влияние, но она не смогла их переделать. Шалостей — да, добавляла.

Как и Наташа Ростова Л. Н. Толстого своим танцем «Барыни» (у дядюшки после охоты) умела понять все то, что было в Анисье и в тетке Анисьи, и в матери, и во всяком русском человеке, так и Саша впитывал все то, что было в его и моей матери и наших предках.

Писал он о том, чем жил; дорогими и близкими людьми, любовью к искусству, театру, лошадям, живописи, музыке.

Осуждал зло.

Мы будем признательны читателям, если они прочтут его книгу.

Название книги «Отлитые минуты в строчку» взято из его стихотворения «Увы, всему ведется счет...»

Умер Саша в 36 лет, через два года после смерти старшего брата — Вадима.

Жадно любивший жизнь, уже больным он говорил, что не жалеет о прожитой жизни. Что он отдавал все, что имел. В маленьком сюжете «Вдвоем», он говорил;

«Нельзя взять, все.

Можно все отдать, кроме того, что взросло и выросло в тебе...»

В предисловии к стихотворению «Не отменяется любовь» опубликованном в газете «Светелка», В. Шестериков пишет:

«Он словно выпал из седла на полном скаку жизни. Выпал в расцвете творческих сил, выбитый из строя тяжелой, почти не поддающейся лечению болезнью...»

...Перебираешь наброски к сюжетам, торопливые, как сама жизнь, записи, неоконченные стихи, которые он никому еще не показывал, и чувствуешь гордую, словно спрессованную из творческой энергии судьбу, которой не суждено было раскрыться до конца.

«Не отменяется любовь» звучит как эпитафия к ней, а может, как добрые пожелания ко всем, ныне живущим на земле».

*Нельзя взять все.
Можно все отдать, кроме
того, что взросло и вызрело
в тебе.*

А. Осинский

Я пишу...

МОНОЛОГ

И я сяду с вами и скажу, что это хорошо. Хорошо, когда моросит дождь и листья шлепаются Вам под ноги и Вы думаете. Хорошо, когда человек задумывается..

«Стекают струйки теплые дождя, о ты, окно, откройся ненароком...»

...И я не спрошу у Вас, который теперь час, потому что иногда это не имеет никакого значения. Значение имеет не настоящее, а будущее, потому, что настоящего в принципе нет; даже секунда пролетевшая, как это сказал, — уже прошлое. Вот оно имеет значение. И еще будущее, которое будет. У Вас есть предчувствие, что произойдет? Хорошо, если это хорошее предчувствие. Вы знаете, а я работаю в аптеке..

Ага: «Аптека, улица, фонарь..», или нет, как это у Татлина: «На углу стоит аптека, любовь гложет человека...»

Не о том я, не о том..

—...Да, и работаю много лет. И Вы знаете, совсем недавно, тому пятидней, получил орден. А тогда, вначале, я не мог ничего поделать.

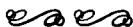
У него была фамилия Кузякин, ходил во френче с орденской планкой и все время командовал; это туда, это сюда, это так, а то наоборот. А что наоборот?... В фармацевтике он не понимал ни на грош, а с людьми совсем — ну просто хам был. Верите, мы — я и моя жена — несколько месяцев не могли спокойно уснуть. Потом его отправили на курсы повышения. Не знаю, чему от там повышался, но его повысили. Неверное тут помогли и мои клиенты, потому что, когда он уехал, можно было вздохнуть и работать. И я обошел все соседние дома, а моя жена потом звонила или опускала открыточку в почтовый ящик — приходите за лекарством, оно готово, и клиенты написали письмо... Хорошо, что его повысили. Одно дело командовать, а другое... Кстати из двух дюжин лекарств от головной боли он знал одно: «По вашей комплекции вам подойдет вот-этот желтый таблет». Что это я вспомнил Кузякина, скажите на милость?.. И опять, кстати, хорошая погода, хоть и дождь...

«Чудесный вечер, дождь чуть-чуть...»

...Да, и лучше всего в такую погоду смотреть на освещенные окна. Вон хоть на то, на третьем этаже. Мне кажется, оно как-то добро светится...

Я вот заговорил о прошлом, а оно ведь может быть и будущим. Вот сижу я сейчас с Вами на скамейке и знаю, что приду домой, лягу спать и буду думать о том, что было. А было много, много хорошего. А моя жена, хоть ее нет, уже все равно будет со мной. И я покажу ей орден и скажу, что он ее больше, чем, мой, потому, что она прожила со мной сорок лет. Ну ладно, идите, молодой человек; когда окно светится, оно обязательно светится для кого-то. Поверьте; лучше сделать, если даже потом пожалеть когда-то, чем пожалеть, что не сделал..

Он прав, старик. Нужно встать и идти, а может, впереди у нас тоже сорок лет?... Я подошел к дому, обнял дерево, тянущееся своими ветвями к ее окну и обжег губы.

ЛЕТО БЕЛЫХ ЧАЕК

Она темна, ночь без сна..

...если учесть еще, что кроме домика лесника в округе километров на двадцать сплошной лес.

...и дождь поливает эту округу вторые сутки.

...и наглухо сели батарейки в приемнике, связывающем тебя с тем миром, что за ней, за этой округой.

Строение, в котором я живу, лесник называет сторожкой. Она неподалеку от его дома, и здесь он хранит нужный и ненужный хлам, упряжь для своего конька и припасы на зиму.

Иногда он заходит по вечерам поговорить про Гржимеска, книгу которого, я по неосторожности ему привез, и вообще про повадки животных.

Собеседники мы никудышные. Из птиц я различу только воробья, синицу да ворону, про бурундука знаю, что он полосатый, а самого же Гржимека я читаю, вернес, предпочитаю с картинками.

Ему же в живности интересно все. Когда ему интересно, он сопит. Сопит, обнаружив тайный ходок какого-нибудь зверька, следя в бинокль за «тайной вечерей», копытящих землю лосей.

Разговор по вечерам у нас не просто идет, а проистекает.

— Там вот, — он имеет в виду подаренную книжку, — и написано, что они (следует чудовищная латынь)... слишком жизнелюбивы.

Я молчу. Но и этого ему достаточно, чтобы почувствовать меня соучастником.

— Может, жить хотят больше других? — он сопит и закуривает. — Так это в корне неверно, все ж хотят..

Он замолкает. Мы завариваем чай и долго следим за чайниками, которые, прежде чем сесть на дно, кружатся и кружатся, постепенно затихая.

За две недели я не сделал ничего. Не получил ни строчки писем, ни сам не написал в ответ. Хотя одно письмо уже начал. Красивое письмо: «Ночь

тиха, как работа бухгалтера»... Я очень дорожу этим листком. Даже положил его под отказавшую «Спидолу», чтобы не запылится.

Когда прекратится дождь, обязательно допишу это красивое письмо. Пусть тогда все удивится.

Ну если не все, то хоть какой-нибудь человек.

А может быть, не какой-нибудь, а конкретный, этот человек не ждет письма и поэтому удивится точно.

Я даже представляю, как это письмо будет добираться до него. Лесник отнесет его в сельсовет, оттуда его отправят на центральную усадьбу, затем оно попадет в райцентр, а уж потом на поезде его отвезут в город.

После сортировки на почте оно уйдет в отделение, к нужному дому его доставят на машине с надписью «Минсвязь СССР». И вот тут произойдет, то, чего никто не ожидал; из рук почтальонши оно вырвется под порывом ветра, прилипнет к высокому, как дерево, цветку и по стеблю вверх, туда, к балкону твоему. Сначала переполох будет написан на лице почтальонши, а потом она успокоится и скажет: «Ну и правильно, оно же лучше знает, куда ему, а я бы по старости и перепутать могла...?»

...Утром слегка подморозило, хотя самое начало сентября и впору бы летать легким паутинкам, цепляясь ко всему на свете.

Летают чайки. Они горланят, как оглашенные, над бурунами озерной волны—такой ветер. А ведь ночью, когда кончился дождь, было очень тихо.

В своем доме лесник угощает меня чаем. Он достает книжку ученого человека Гржимека, пальцем тычет в какую-то страничку и говорит;

— Вот — «лебрус-калидис», или «кричащие в непогоду». Ты понимаешь, да? Все лето орал, и сейчас не смолкнут. Что им надо, а?... — и он с каким-то восторгом всматривается в даль, за окно. Там, за окном радостно и победно взмывают в упругих струях воздуха прекрасные и вольные белые птицы. Они кружатся и кружатся. Как чайники. Как недописанные кем-то письма.

— Да, лебрус-калидис, — соглашаюсь я, доливая себе кипятку.

— Это уж точно, — отвечает мой собеседник. И мы продолжаем нашу трапезу; в непогоду горячий чай — дело не последнее.

ВДВОЕМ

Город одинок в своем скитании по улицам своим...

Хорошо здесь, в парке. Пятнадцать лет назад мы все здесь бывали.

Красива осень, беспощадно красива в убранстве из желтого одиночества.

— Здравствуй, родная!

— О-о, привет! (и пусть эту фальшь никто не видит). Не обижайся, так устала без тебя (Господи, какой наивный...).

Сели. Скамейка. Парк. Листья. Изредка порывы ветра.

За что?

Просто ветер звучит.

Наверное, он разный в их ушах? — Можно, я уйду?

— Я очень рада (Неужели непонятно ...Ерошка в «Казаках» Толстого говорил: «Фальшь, все у вас одна фальшь»).

Сидят. Молчат.

Листья падают, опадают листья. В нашем городе сейчас беспощадно красиво.

Они пошли. Осталась осень. Осталась встреча, которая не состоялась.

...В жизни будет все, и дождь и ясно, лишь бы не вот это; «Фальшь, одна лишь фальшь...». И тогда мы — умные, жадные до жизни, скажем так; мы любили.

Нельзя взять все.

Можно все отдать кроме того, что взросло и вызрело в тебе, как листопад, растущий, падая.

...Я вас люблю!

Изредка порывы ветра.

...Наверное, он разный в их ушах?..

ТИШИНА

Прямо за моим окном начинается пустырь. Вчера вечером там жгли все, что попало; весна, хочется, чтобы первые стрелки зелени рождались в чистоте, как и положено.

До самой ночи ребята из соседних домов под руководством старших стаскивали в кучу все, что могло помешать рождению новой жизни, — начиная от невесть откуда взявшегося огромного куска арматуры и рваных, с ватой, обломков старого дивана, до картонных подставок для яиц и обрывков газет так склеившихся под прессом тяжело осевшего за долгую весну снега, что они почти и не горели.

Даже сейчас улавливается запах гарн. Шесть утра, Тишина. Хорошо, когда она есть.

Она действует на все пять человеческих чувств; можно лежать и чувствовать ее вкус, напоминающий вкус хрустальной льдинки, которая только что начала подтаивать под первыми лучами солнца.

Воздух, светлеет, ты это, видишь, видишь нежнейший его переход от голубого к прозрачному;

Она осязаема, тишина, на вашем лице дыханием наступающего утра, и пахнет колкой его свежестью;

Слышно, как она закладывает уши сплошным своим монотонным гулом и внезапно наступает оглушение — полное и безоговорочное, как капитуляция.

Так бывает, когда останавливаются часы, и вдруг перестаешь слышать их привычное, обыкновенное тиканье. Бывает, иногда останавливаются часы Памяти, но это бывает реже...

Шесть часов утра. Тихо. Хорошо, когда тишина.

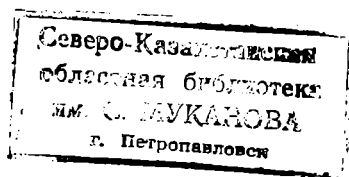
Мой дом выходит окнами на пустырь. За ним, если взять бинокль, видны растаявшие моря снега за плотиной, ставшие после половодья озерцами. К началу лета они высохнут, а к середине его останется даже не за-

болоченное место, а так, один запах. Странно, что там на этом месте еще не возникли спины предприимчивых дачников, ирригация, судя по всему, для них дело несложное.

Телефонный звонок. Я вздрагиваю, но продолжаю лежать, только вытягиваюсь и сердце начинает биться учащенно.

— Тебя, — говорят мне домашние. — Она.

...Хорошо, когда тишина. Хорошо, когда она кончается.

ПОПРАВКИ К УИТМЕНУ

Она держит его под руку, будто боясь уронить.

Так они и гуляют.

Иногда больничные тапочки слетают у него с ног, и она, не сгибаясь, помогает их надеть: «Андрюшенька, мальчик, осторожней...».

Андрюшеньке — тридцать лет. Двадцать пять из них здесь, в клинике. У него так и остался разум пятилетнего ребенка. «Вишенка, вишенка, вишенка всякая, — параснев проговаривает он, — что ты смотришь на меня, морда поросычая» — Андрюшенька, кто же тебя этому научил? Так не хорошо?

— Боря Рошаховский — безропотно выкладывает чадо, — он мне за это окурок оставил.

— Она протягивает ему пачку дорогих сигарет, зажигает спичку. Курит он, не затягиваясь; ему интересно смотреть на огонек и сдувать пепел. Сигареты, которые приносит мать по одной ему выдают нянечки — иначе отберут в палате.

Взгляд у него почти никогда не меняется; он смотрит в себя. Что он там видит, что мнится в его больной голове — загадка.

Впрочем, иногда он бывает не в себе, и тогда глаза заливаются злым, жгучим, словно от сигареты, огоньком, и он сильно щипается. Остается огромной синяк. Чаще всего достается нянечкам; больные-то могут и ответить...

Еще «иногда» — это когда приходит мать.

Сидя в туалете — курилке прямо на полу, он, раскачиваясь, монотонно бормочет «скоро мама придет, картошку с автоматом принесет...». Это значит — с томатом. И взгляд его светлеет.

За двадцать пять лет, что он в клинике, никто из персонала не припомнит дня, чтобы она не пришла. И если за минуту до этого нянечка на чем свет чистила, а то и молотила со злости за большой шипок по покатою его спине дюжим кулаком, то, увидев поднимающуюся по ступеням лестницы мать, строгую, очень интересную, но рано поблекшую женщину, сразу переходила на ласковый тон: «Андрюшенька, мама пришла, картошку принесла...» — с ав-то-ма-том? — кричит сын, что есть силы, и мнится

к ней. И мать сквозь слезы видит, как на бегу у него опять слетают тапочки. Но для матери их надеть на сыновьи ноги — дело обыкновенное, ведь роднес его у нес никогда никого не было и уже, конечно, не будет.

Рассказав мне эту историю, врач—психиатор, когда-то мой одноклассник и давнишний приятель, вместо комментария произносит; «У Уитмена есть изумительная фраза о том, что вот, мол, идут женюны —молодые и старые. Молодые красивые, но старые еще красивее. «Красивее на целую прожитую жизнь». — добавляет он от себя.

...Великий поэт,думаю, с такой поправкой бы согласился. Во всяком случае, не был бы против.

ХУДОЖНИК

Шел по городу художник...

Шел и думал про себя; «Тысячу верст от моего Ленинграда, и уже тысячу лет как не видел его, а счастлив. Слоняюсь черте-где по краю земли, вчера вот видел лису и узнал, что от опасности охоты у нее краснеет и без того рыжий хвост...

Слышал, как режут тюлени, и понял, что знать это не менее важно, чем сходить на премьеру. «Жизели» в Марининке. И пусть дачникам под большим теплым городом это все только снится длинными ночами; их отдых — моя работа.

Спасибо тебе, моя работа.

Спасибо за неустанность того, что зовется исканием нового, спасибо за глаза, увиденные в темноте этой безграничной северной ночи...

—...Дяденька, проводи, я что-то потерялся.

Он проводил малыша, потом сбегал в гостиницу, притащил альбом, пастельные карандаши и соорудил портрет мальчугана со взъерошенной челкой волос. И подписал «Вовке Чельпугову, случайному жителю Надыма, в первый мой день в этом городе. Декабрь 1977 года».

Этот портрет, из косых линий, вырастающее лицо, я видел... А Вовка сейчас, наверное, уже — школу окончил.

ПОЭТ

Уже поздно. Полчаса стоим на «улице», за вагончиком, где даже в темноте таежной ночи вырисовываются будущие очертания компрессорной станции — сердца газопровода. Он по возрасту спокоен. Называет цифры отсыпки грунта, метраж, пройденный колонной за сутки, фамилии передовиков.

И вдруг блеснули молодостью глаза;

— Ведь что поразительно здесь — это природа. Не у нас на Украине, а притягивает каким-то сиюминутным приоткрытием себя..

Он молчит, коптя душным «Севером», вспоминает:

— Под Локосовым было, это в сторону Сургута «Катарпиллеры» переняли через реку, а лед еще не окреп, а махины под сорок тонн... Так представляете, чтобы не ухнуться — тросы к рычагам привязали — и вперед. Вот-вот — «под уздцы мужичок», только сзади метров на 10-15 и не под уздцы, а как вожжи в руках. Зареве — на белом фоне, и в его полукруге — трубоукладчики.

Не-е, спасибо... — На севере — «Северок» без фильтра, как воздух здесь.

...Или вот еще, пробивались мы сюда, вот на это место где стоим, с десантом в шесть человек за месяц. Тайга, ориентир один — озеро Хуллары, да метки геодезистов, техника — «Кировец», «Урал», бульдозер «С100», да вагончик на полозьях. Сверлишь по метке, — она, нулевая, наша будущая. Сергей Шевченко, земляк мой, дал «почетный круг» — срезал ножом бульдозера кромку ледяного снега, а там — мать честная! — вдруг брусника зазелела. Вот такая, брат, поэзия...

— Эй поэт, — донеслось из вагончика, — идите спать, совсем человека заговоришь...

Он размял еще одну папиросу:

— Я еще вот что хочу сказать: про меня особо не надо.. Сам всю жизнь прорабом и жена на стройке тоже. Она хоть и моложе, а ноги, совсем отказывать стали, а до пенсии пять лет По оформлять волокита, да особых знакомств нема. Так что плюнул я, посадил ее в горницу в нашем домике

в Мелитополе и сказал: «Стаж у тебя наберется, до пенсии отдыхай, я заработаю, а ты уж только по дому...» Записался по оргнабору, так что сюда на север, я, можно сказать, за деньгами приехал..

Вызвездило Высветлело.

Ну и все, — сказал он, — у Большой Медведицы ковш перевернулся, значит, быть погоде.

Еще помолчал чуток, улыбнулся;

— Быть погоде — быть добру и быть счастью, Так?..

Быть посему.

БАТНИЧЕК

...Особенно фиолетовая, с искрой рубашка — батничек. Черт, что это была за рубашка. Кажется, она каждой своей морщинкой и складочкой повторяла все твои движения, наполненности. Смешно, но увидев тебя в ней, у меня поднималось настроение, таким восторгом светилась, фиолетовая с искрой, такой теплотой дышала и близостью родною...

А ты была рада, что она мне нравилась, и как-то так подлучилось, что она всегда была на тебе, когда мне хотелось этого. Чудо фиолетовое!

А однажды ты сказала. Смешно сморщила нос, ухватила пальцами за щеки — так ласково теребит детей и, наверное, хомячков — и сказала, «Давай я на тебя перешью ее. Хочешь? Ты не знаешь, какая это чудесная материя, она как упругая резиновая ткань. Слушай, поверь это будет вот! Все девочки твои...». «Это те, которые по четыре в один ряд?». «Нет,— сказала ты серьезно — другие» Ответила и быстро отошла. Ну ты, глупая, ну прелесть моя, ну что ты болтаешь, мне же только ты, яж, дурочка, плакать хочу, когда ты так говоришь. В левом боку у меня заныло, и я слизнул соленые подтеки с твоих подведенных глаз. Нет, кажется, слез не было. По крайней мере, они не катались бусинками вниз, к ложбинкам у носа, самого замечательного носа, носика—картосика...

«Ну вот что, — сказала ты, — «Будем мериться. Вставай». подвела меня к большому трюмо и встала ко мне своей спиной и уперлась в мою спину. Свет мерцал, затемненный. Мы стояли посреди медвежьей шкуры и было и приглушенный свет, и мягкость ковра медвежьего и твоя спина, прижавшаяся к моей. «Стой, не трепыхайся—, сказала ты и зашлепала меня по рукам; я пытался обниматься; неудобно, но приятно, потому что непривычно. Отвероты зеркала все еще показывали нас, но мы были уже вместе. Фиолетовая с искрой, кажется, стала нашей общей шкурой — там было все самое родное, близкое, всегда мое и всегда готовое убежать, могущее по какой-то ужасной, вовек несправедливой, неведомой мне причине потеряться, раствориться, скрыться, угаснуть: все лучшее, что, есть и было в этом прекрасном мире, но будет ли существующее ощущение сейчас, и несбудущее через секунду.

Сбывшееся, готовое не сбыться.

„ДАВАЙТЕ ЛЮБИТЬ ТЕАТР...“

— Двадцать лет назад я был медвежонком. Моим братом (тоже Мишкой) был Павлик Копдюков, теперь большой инженер на одном большом заводе. Плохо помню эту сказку. Помню только, что мы все время что-то делали, возились, дрались. И помню радостное ощущение праздника.

А было просто. Пришел в школу высокий, красивый дяденька и сказал: «Давайте любить театр». Все тридцать два ученика в «А» класса школы № 2 имени С. М. Кирова подняли руки. И это единодушие после двух — трех месяцев вылилось в спектакль. Сначала внутришкольного масштаба, потом районного. А потом мы выступали на сцене настоящей — в один из капитулярных дней заменили спектакль профессионалов, и стали маленькими героями города. Большим героем (он же Мишка-папа) стал Иван Петрович Арчибасов, тогда еще довольно молодой актер областного драмтеатра, ныне народный артист республики и остался до сих пор. И не только для тех тридцати двух человек.

— За что любят артистов, Иван Петрович?

— Спроси чего-нибудь попроще...

Вот и поговори с ним, даже к юбилейному интервью не подготовился. Хотя...

Пока мы шли с ним от его дома до театра, это всего несколько кварталов, — мы поздоровались: с двумя инженерами подшефного, с представителями славного общества книголюбов, с группой студентов, с коллегами из экскурсионного бюро, как они представились (интересовались скорой премьерой, где у Ивана Петровича главная роль), и просто несколькими знакомыми. Может, в одностороннем порядке. Но — улыбается, но — раскланивается.

— Трудно быть популярным в родном городе? — спрашиваю.

— Труднее им стать.

— Иван Петрович, — повышаю голос, — пресса — сильное оружие...

— Коварно и обижено молчу. (Сам учил играть, так получай).

— Ну, ты, это, сам напиши...

— Про муки творчества, что ли?

— Ну вот видишь, как складно получается? Так и давай в том же духе...

Даю. И панину, Иван Петрович, и открою тайну для читателей и зрителей — всего одну, самую небольшую.

..Играли спектакль «Закон вечности» Подара Думбадзе. У Арчибасова главная роль — Бачаны — человека, который острее чувствует беду ближнего, а не свою. Иван Петрович играл тяжело. Тяжело — и в прямом, и в переносном смысле. Походка — с болью в сердце, взгляд затуманенный, усталый, слова — словно выжатые, и оттого кажутся более емкими, весомыми. После сцены в больнице, куда его, героя, уложил инфаркт, за кулисами орудовали люди в белых халатах, уже настоящие — из «исотложки»... А во втором действии, в сценах воспоминаний, Бачана веселился и танцевал, был молод и задирист. «Давайте любить театр...», — сказал он нам еще двадцать лет назад.

И ведь мы этому научились. Хоть никто из тех тридцати двух не стал артистом и на спектаклях бываем реже, чем хотелось бы... Так что спасибо, Иван Петрович, и с пятидесятилетием вас, молодой наш народный артист!

**ИРИНА АРКАДЬЕВНА;
„Я, КАТРИН ЛЕФЭВР...“**

«Рецензии — это отзыв, анализ законченной вещи.
А как происходит рождение образа, спектакля?»

(из письма в редакцию В. Васильева, г. Тюмень)

«...И еще вот что, и это самое главное: устроит ли
меня эта роль через день, через месяц, через пять
лет?..».

(из разговора с заслуженной артисткой Казахской
ССР, лауреатом Государственной премии И. А. Арка-
дьевой)

..Ах, как великолепна была эта Катрин. Как отчаянно послалась
она под градом пуль по осажденным улочкам Парижа в то чудное утро,
10 августа 1792 года. Ведь была революция, ее — Катрин — рево-
люция! И вместе со всеми — нет, впереди их — был ее жених, ее
бесстрашный Лефэвр..

Ах, Катрин, Катрин. Ну кто же думал, что встретив его на тан-
цальках, ты встретила его на всю жизнь? И что, начиная с того
августовского штурма дворца Тюильри, жизнь твоя пройдет в походах.
Потом со своим возлюбленным серикантом ты будешь трястись в по-
возках Рейнской армии, прослывешь удачливой стряпухой и ловкой
маркиганткой, получишь легкую царяпину и нашивку за боевое ра-
нение и все-таки умудришься, несмотря на все тяготы военных лет,
повсюду возить с собой и сохранить.. неоплаченные счета своей ма-
ленькой прачечной Сен-Жер. Не правда ли, Катрин?

И ведь верно, это будет чистая случайность, когда через двадцать
с лишним лет на одном из них окажется подпись твоего старого
должника, бедняги корсиканца. Как же его фамилия, Катрин? Очевидно
неразборчиво.. Кажется, Буонпарте?..

Сегодня актриса устала. Что поделаешь, день был тяжелый —
дневной спектакль, ренетция, занятия со студентами.. Долго не

может сосредоточиться на теме нашего разговора. «Ну, как вам последняя повесть Распутина? Интереснейший писатель... Нам, актерам, читать необходимо. Знать все, что можем узнать, — книги, фильмы, людей, мир, наконец, — необходимо. Ведь нам — играть на сцене...»

Пришла Аркадьевна темного нервничает, и я, кажется, понимаю; даже в теме беседы, заранее обговоренной, она ищет конкретный образ, благодаря которому можно в двух — трех словах найти нужный тон взаимопонимания.

— Ну вот, Катрин, — Аркадьева буквально подлетает с места, — кто она? Простая прачка или национальная героиня, «клубка», мечтающая о единственном муже, «данном богом», или верная подруга, пронесшая любовь сквозь кровь и пот войны?..

Для тех, кто не видел спектакля: «Катрин Лефэвр» — пьеса известных французских авторов XIX века Сарду и Моро. На советской сцене утвердилась в обработке драматурга Иосифа Прута, который, по просьбе народного артиста СССР, художественного руководителя театра имени Моссовета Ю. А. Завадского, сделал свой вариант. С большим успехом центральную роль в спектакле исполнила Вера Петровна Марецкая.

Тюменцы не сено следовали своим столичным коллегам и, прежде всего, чтобы четко выразить идею пьесы, сократили текст. В их постановке нет многих действующих лиц, сцен, Сарду — мастер интриги. «Как закручено, как заворочено» — говорят в таких случаях. Посудите сами: прачка Катрин во втором акте становится герцогиней Давшигской и в финале спасает Францию от войны с Австрией.

Итак, осталась только внешняя канва событий. Теперь нужно было вскрыть пружины внутренние. Но об этом лучше скажет исполнительница главной роли:

— Образ Катрин, центральный в спектакле, складывается из мелких деталей — так она ходит, так мило по-женски щебечет. Знаете, как у фотографа в лаборатории, образ проявляется. Только лабораторией были беседы с главным режиссером театра Е. А. Плавинским, шпоры с коллегами, раздумья, часы ренетций... И стало вырисовываться основное в нашей Катрин — любовь к Родине. Для нее она очень конкретна. Прачка, не раздумывая, бросается в ряды повстанцев, чтобы «устроить стирку королю», и не понимает, как можно поступить иначе. Вот почему, когда видит спрятавшегося человека (до того мелок), адвоката Фуше, называвшего себя революционером, откровенно удивляется: «А что вы стоите без дела?..»

Она любит мужа, и когда он, ставший маршалом Франции, под напором императора колеблется в своих чувствах к ней, может с болью и страстью произнести мополог высочайшей силы все теми же простонародными, столь презираемыми в их нынешнем окружении словами..

Любовь к Родине для нее — это и любовь к конкретному человеку, людям и счастью. И идя на хитрость, она утверждает мир не только для своей семьи — для народа. Это ей позволяет бросить в глаза Наполеону: «Никому не нужна слава империи, если она требует жертв...»

Так был найден образ Катрин, определяющий общую направлен-

ность спектакля. И здесь начались трудности.. Е. А. Плавинский, постановщик спектакля, обозначил их приблизительно так: «Да, Катрин в финале действительно доходит до обобщений, высокой правды. Но едва ли эти слова она могла сказать в начале, а значит нужно следовать правде развития образа. Катрин — женщина. Веселая, красивая, удачливая. Давайте и будем ее такой изображать. С танцами, фрикасе и с подменываемым пад мужчинеми. Даже император почувствует ее власть и проницание: «Что их величество сказало?..» Она — француженка. Это уже детализировка характера, черточки, без которых образ схематичен и сух.

И очень помогла музыка. Катрин нужна была песенка — припев, боевая. Подыскали сборники, нашли. Композитор Бирман написал музыку. Поправилась. Но что-то не шло, больно русская была.. Опять приадумались, работали, искали. Кто-то предложил — в стиле Берлиоза. Так что теперь Ирина Аркадьевна поет по-русски, но вполне французскую песенку..»

Исканди — черточки, нюансы — буквально до последнего дня. Лишь на генеральной репетиции был найден верный тон одного из главных монологов героини: приглушенный голос оказался правдивее крика о верности..

И. А. Аркадьевна: Каждая роль складывается по-разному. У меня всегда трудно. В первые дни, когда все еще в белых пятаках, в режиссерских пометках, в твоих докладах, — это еще понятно. А потом все вроде складывается, но мучаешься — вдруг не так, вдруг лучше можно.

Зато и маленькая удача — много. С репетиции идешь другим человеком, и мир вокруг какой-то другой.. Работа. Только так, наверное, и можно. А зритель что скажет? Хорошо, если «Хорошо»..

Как делается роль? Кто в ответе за нее, кто «родители»? Актер, драматург, режиссер?..

Если театр начинается с вешалки, то спектакль с занавеса, с той его стороны, что не видна зрителю, хотя и он, зритель, один из его создателей. Он тоже автор этого «ребенка», который рождается, когда занавес, «всемогущий искусств судия», как говорили в старину, опустится по завершении представления.

..И зрители разойдутся, веселые или грустные, задумчивые или равнодушные. Все зависит от Искусства: состоялось ли оно?..

Саше Осипскому на память о нашей беседе и с добрыми пожеланиями.

Б. ЧИРКОВ, 4 07, 1977 г.
г. Тюмень.

БОРИС ЧИРКОВ; : „БЫТЬ АКТЕРОМ“

Он был мудрым стариком, этот Агабо Богверадзе. С высоты своих лет и опыта, притаившихся в хитром прищуре глаз, он не судил сыповой — нет! — но поправлял, но учил их любви. К земле, к очагу, к тому винограднику, что воеен потом и трудом предков их славного рода.. Учил быть людьми с людьми — истине, которая приходит на склоне жизни — грудной и счастливой. И пока он, Агабо, жив, пока арба его еще не перевернулась — так будет..

Закончился спектакль, стих шум аплодисментов. В гримборной сброшен костюм старого грузина и легкими мазками снят грим, но Агабо Богверадзе из спектакля по пьесе О. Иоселиани «Пока арба не перевернулась».. еще в нем, еще звучат в уме его слова, его основательностью полны движения и его юмором — искрящиеся глаза..

Борис Петрович поворачивается на стуле:

Правда, большая жизненная правда в этом старике, — говорит он, правда, основывающаяся на вечных понятиях — доброте, гуманизме, приверженности к родной земле. К тому, что создало, породило человека это знаете, как у Антея..

Но мой Агабо — не тихий и скромный проповедник этой истины, не сторонний наблюдатель, а активный конкретный человек. С юмором и потками горечи — так и в жизни бывает, что радость смешана с печалью, и по соседству с одним началом в человеке существует другое, противоположное..

Борис Петрович Чирков — имя, с которым связано развитие нашего театра и киноискусства. Народный артист СССР, лауреат Государственных премий, Герой Социалистического труда. Говорят, что ленинградские, а затем и московские почтальоны не раз вспоминали песенку «Где эта улица, где этот дом?..», получая письма со всех уголков страны и из-за рубежа без адреса, с одной лишь припиской: «Максиму», Любовь к этому образу в сердце каждого столь велика, что корреспонденции неизменно

попадали по адресу и, пожалуй, не было письма, на которое бы Борис Петрович не ответил: переписка со зрителями длится вот уже больше 30 лет. С этого и начинается наш разговор.

Б. П. Чирков улыбается;

— Совсем недавно, после того, как Центральное телевидение вновь показало трилогию о Максиме, поток писем увеличился. Запомнилось одно: молодые супруги пишут, что своего сына решили назвать Максимом, пусть растет таким же стойким, мужественным... Ну, а если серьезно — письма — эта живая связь со зрителями, своего рода барометр, определяющий качество твоей работы; нашел ли верный тон в той или иной роли, точно ли отобразил характер, стал ли герой образом полнокровным, жизненным...

Борис Петрович, 70 киноролей, свыше ста театральных — это более, чем солидный список. Санчо Пансо в «Дон Кихоте» М. Сервантеса и Тиль в «Легенде о Тиле Уленшпигеле» по Шарлю де Костеру, Флор Баев в «Одинокости», Н. Вирты и Фрол Федулыч Прибытков в «Последней жертве» А. Н. Островского — разноплановые, на первый взгляд даже взаимоисключающие роли, характеры. Что как актера привлекло Вас в них, что они дали, чем обогатили?

— Если отвечать коротко, то так; проверка своего актерского «я». После того, как вышел на экраны «Максим», сложилось мнение, что вот такие рабочие, простые парни и есть амплуа Бориса Чиркова. Другое дело, что этот образ был мне созвучен, вместе с ростом Максима рос и я, как человек, как гражданин. По меня всегда увлекало разнообразие образов. Вот почему с радостью согласился на предложение режиссера Лукова сыграть роль... Махно. Некоторые приятели даже приходили, выговаривали; ты что, серьезно? Да, серьезно. Актер, если он актер настоящий, должен через созданный образ выразить свое «я», свое отношение к жизни. Если Максимом я говорил — подражайте таким людям, то играя Махно, предостерегал

Каждый артист обладает своим, свойственным только ему, индивидуальным видением жизни. Поэтому одна и та же роль Флора Федулыча, Прибыткова совершенно по-разному звучит у меня и В. В. Меркурьева, доброго моего приятеля в Ленинградском академическом театре им. Пушкина. Мы не одни ставили этот спектакль к 150-летию со дня рождения великого русского драматурга. Но «Последняя жертва» нашего театра и, допустим, театра им. Моссовета несхожи. Профессия актера предполагает творчество, так что подход к каждой роли должен быть таковым. Отсюда мы уже судим о мастерстве.

— А как начинался актер Борис Чирков, откуда берет истоки театральная биография?

— В семье никого, представляющего какую — нибудь театральную профессию, не было, да и в городке, где родился и вырос, театра как такового не существовало. Папник где я учился в реальном училище, насчитывал тысячи четыре жителей. Оторванный от всего мира (до железной дороги полтораста километров, до ближайшей судской реки чуть меньше), он только имел «Общество трезвости». Там была библиотека, играли в карты, ну и зал небольшой, где местные любители организовали кружок театрального искусства.

Однажды у них заболел суфлер. Пришли в училище: «Кто лучше всех Вас подсказывает?» «Чирков, Чирков...», — зашумели одноклассники. Так я оказался на сцене, правда в суфлерской судке. Первый «выход» имел плачевный конец: увидел декорации, актероз в гриме, я начисто забыл миссию, с которой был приглашен, и стал проговаривать текст с интонациями, выраженным. В зале зашумели, потом засмеялись. — я не унимался, Зананес пришлось опустить.

На следующий день в училище, рассказывая о своих впечатлениях товарищам, категорически заявил: «Театр — дело несостоящее, отношение к нему никогда иметь не буду». Но, как видите, ошибся. Случайная причастность к театру, имевшая место более пятидесяти лет назад, переросла в мою профессию, мою работу...

Через несколько лет, учась в Ленинграде на инженера, имея за плечами опыт самодеятельной игры, перешел в институт сценических искусств. Потом работа в ТЮЗе, одном из первых, если не первом театре для детей и юношества в стране. Эта школа дала много талантливых исполнителей: Черкасова и Кадочникова, Блинова и Полищямако...

Но как-то хотелось посмотреть на себя со стороны, что делаю, чему научился? Снялся в немом кинематографе у режиссера Кроля. С просмотра материала убежал — показалось ужасно, неестественно, но кино есть кино...

Через несколько лет, учась в Ленинграде на инженера, имея за плечами предложение мне сыграть в первом их звуковом фильме «Одна». Так пришел в кинематограф и верен ему до сих пор.

— Борис Петрович, в сегодняшнем спектакле играет Л. Б. Чиркова...

— Да, это моя дочь Людмила. Она закончила ГИТИС, и теперь в группе театра имени Н. В. Гоголя. Здесь же работает и моя жена — заслуженная артистка республики Л. Ю. Геника. Осенью на телевидении будет показан спектакль по пьесе Афиногенова «Машенька», который мы с ней поставили совместно, центральную роль исполнила дочь. Так что получается театральная династия...

— Хорошо известно, что театральную деятельность Вы совмещаете с общественной. Вы член комитета по Государственным и Ленинским премиям, где руководите секцией театра, первый заместитель председателя Всероссийского театрального общества, председатель Центрального совета по работе театров на селе, член редколлегии журнала «Советский экран», — и это, видимо, далеко не полный перечень. К тому же Вы пишете книги...

— В нашей стране актер, как и представитель любой другой профессии, прежде всего гражданин. Чтобы всегда быть в гуще жизни, знать, что волнует людей, мало быть просто актером, замыкаться в своей скорлупе. Вот почему я, считаю, что общественная деятельность — моя прямая обязанность — актера, коммуниста.

Ну а книги... Сейчас в издательстве «Советская Россия» выходит однанадцатая — «Азорские острова» О чем она? Это рассказ о времени, о людях.

— И последний вопрос Борис Петрович будет ли продолжение цикла театра одного актера; зрители хорошо помнят Ваше чтение «Грабежа» Лескова?

— Работу на телевидении не прекращаю, так что после тюменских гастролей, ближе к осени, буду готовить продолжение цикла. Для этой цели я выбрал рассказ Всеволода Иванова «Наборщик»... Видимо, и постановка «Машеньки», — только первый опыт, думаю, что продолжение будет.

..Завтра другой спектакль И уже другой человек появится на сцене, чтобы утверждать чистое, светлое или отрицать, клеймя низкое. И всегда сомневаться всегда познавать себя в развитии, в течении бытия, отпущенного двумя часами короткого театрального действия. И хотя изменится его походка, голос так, что и «чирковского» — то почти не останется, все-таки... Все-таки это будет Чирков.

1977 г. Тюмень.

АНДРЕЙ МИРОНОВ:
„ВСЕ, ЧЕМ ЖИВУ, СЫГРАЮ...“

...Люди доверяют актеру, и нельзя обмануть их в этих ожиданиях. Выходя на сцену, начинаешь все сначала, жизнь становится вечным экзаменом, ты — вечным школьником. Стараться принести людям радость, важные для них мысли, светлые чувства. Я не понимаю, откровенно говоря, и не очень верю тем, кто говорит, будто «играет для себя».

В тени кулис то, что происходит там, на сцене яркой, расцвеченной радугой сафитов, — все выглядит совсем по-иному, чем из зала. Здесь все работает на актера — даже за несколько секунд, пока идут аплодисменты предыдущего номера, можно смахнуть бисеринки выступившего пота, на ходу глотнуть кофе, поправить сбившиеся волосы и — на сцену. С улыбкой, легкой и радостной, с изяществом, чтобы ты, Зритель, понял: встреча с тобой для Артиста всегда желанна, ведь это и есть моя жизнь.

— Очень устали?

— А вы как думаете...

— Плюс погода.

— И это тоже... (за окном такая сумятица, что не поймешь, какое время года — весна ли, осень запоздалая)... но что-то не совсем то... зритель какой-то пастороженный. Пришлось «на ходу» перестраиваться. Но не будем о грустном... (эта фраза из только что прозвучавшего в концерте монолога, Аркадий Хайт написал его специально для Андрея Миронова).

Специально... Как трудно заслужить это «специально». Чтобы для тебя, на тебя ориентируясь, в тебя веря и надеясь. Монолог, номер, роль. Что для этого нужно?...

— ...Итак, вы спросили об Орландо? Тяжелая роль. А вся «Сказка странствий» Митты — что, легкая работа? Сценарий писался блестящими кинодраматургами Дулиским и Фридом, музыка — чудесная музыка — Шнитке, декорации, костюмы все на «сказочной вы-

соте». А что-то не получилось. Может быть фильм не имел четкого зрительского адреса — хотя бы по возрасту? Или не до конца «выписан» мой герой — посетитель чуть ли не всех добродетелей, талант, несомненный талант, но проявляющий себя лишь в критической ситуации?

И все-таки я рад, что мы начали разговор с этой роли — таких, как Орlando, мне играть не приходилось. И сама работа с Миттой над этой сказкой, а точнее, притчей о любви, дала какой-то толчок, чтобы заглянуть в себя, пофилософствовать...

— Зритель тоже не останется безучастным. А это значит не остался в стороне...

...А это, в свою очередь, значит: мы «задели» его, то есть все-таки в какой-то степени достигли цели; задуматься. Над собой, над жизнью. Над вечными ее вопросами. Хорошо, если бы все роли, которые я сыграл в театре, кино и телевидении (а их более 70), привели бы к этому.

— Андрей Александрович, выбор Вашей профессии был как-то связан с именами родителей?

— Безусловно. Но знаете, мне было и легче, и труднее, чем другим, решившимся на этот путь. Легче потому, что я рос в актерской семье. У нас бывали и Ойстрах, и Утесов, и... да стоит ли называть все громкие имена. Так что «азы творчества» у меня были. А тяжелее тоже потому, что я рос в этой семье. Знал чего стоит актерская работа, тяжелый актерский хлеб. Но выбор был сделан — я стал студентом Высшего театрального училища имени Б. В. Щукина.

— А Ваша мама, Мария Владимировна, была когда-то ученицей самого Щукина?..

— Да, преемственность, как говорится. Но дальше мне не повезло. И рвался в Вахтанговский театр, где тогда собралась когорта талантливейших актеров: Юлия Борисова, Михаил Ульянов, Николай Гриценко, Юрий Яковлев — а меня не взяли. Взял Валентин Константинович Плучек в Театр сатиры, ныне академический. Этому событию я очень рад и горд тем, что работаю в «Сатире» вот уже более двадцати лет. Работать с такими актерами, как Т. П. Пельтцер, В. Ю. Васильева, Г. П. Менглет, А. Д. Палапов, другими прекрасными, высокопрофессиональными актерами, — это счастье.

— Профессионализм актера — тема отдельного разговора, и все же два слова, как вы его понимаете?

— Московские театральные вузы ежегодно выпускают более ста актеров, вернее людей с актерскими дипломами. Профессионалами становятся далеко не все. Высокопрофессиональными актерами — единицы — и то хорошо. Прежде всего, должна быть личность. Смоктуновский, Ефремов, Табаков, Любшин. А как не восторгаться Алисой Фрейндлих, Людмилой Гурченко? За каждым именем — жизнь, подчас, нелегкая, но, сделанная самим актером.

А кроме таланта пужна работа. Ежедневная, ежечасная, ежеминутная. И все это — чтобы отдать себя зрителю. Несколько лет назад в Москве выступал французский артист и певец Жак-Брель, и я был потрясен тем, что увидел: у актера разрывалось сердце, он врывался изнутри, сгорал и будто языками этого пламени касался моего сердца. Я не знаю французского: «Порт Амстердам, порт Амстердам...» — вот и все, что я понял, но я понял все. Это искусство.

«Порт Амстердам, порт Амстердам...», — папеваат актер, закрыв глаза и уйдя в воспоминания. Так вспоминают то, что до сих пор волнует, что необходимо вспомнить. Еще полчаса назад на сцене он лицедействовал, шел, танцевал, и в игре его была та же доля неистовой эмоциональности, которой он так восхищался в других. В одном из интервью Миронов заявил, говоря об игре товарища: «Я бы так не смог». Возможно. Одно точно: способность удивляться и радоваться чьему-то искусству, сопереживание — обязательная черта мастерства твоего.

— Фигаро, Хлестаков, Чацкий, Лопухин в «Вишневом саде» Чехова, Мэкинг Пож в «Трехгрошовой опере» Брехта. О чем еще может мечтать актер?

— О работе.

— Эстрада — это для Вас «семейная» тяга?

— Не совсем. Эстрада это и иные контакты со зрителем. Театр, кино, телевидение — это ведь тоже все различно. Театр предполагает совершенно другой накал чувств, пережили кинематограф — чтобы чувства «перехлестнули» рампу. А когда в кинокамеру начинаешь хлестать те же чувства, они становятся неправдоподобными. Каждый раз ищешь пугливую меру эмоциональности. Так и эстрада, она диктует иной контакт. Я, например, не люблю, когда актеры исполняют сцены из спектакля на эстраде. Это чаще всего выглядит неестественно, даже при очень талантливой игре. В концертных программах я использую фрагменты из спектаклей, где участвую, но от того, как это выглядит в театре, они отличаются. Для эстрады нужно то, что называется «номером», таков жанр.

— Спектакль «Прощай, конференсье» по пьесе Г. Горина — одна из последних работ Театра сатиры. В ней Вы выступаете как постановщик.

— В фойе нашего театра висят фотографии двух актеров — Я. Рудина и М. Корфа, не вернувшихся с войны. Они и стали прообразами героев пьесы, которую я поставил к 40-летию Победы. Но посвящен спектакль всем артистам, которые в грозные годы войны были со своим народом, выступая на передовой или давая концерты в тыловых госпиталях. Это уже моя четвертая режиссерская работа. Так что пробую изведать и эту «кухню».

...Время перерыва истекло. Сегодня у Андрея Александровича Миронова, народного артиста РСФСР еще концерт. Еще раз он выйдет к рампе, улыбнется своей обаятельной, чуть грустной и прощеской улыбкой и начнет концерт с «Песенки актера», в которой будут такие слова: «Все, чем живу, сыграю, все что могу, спою». Песня написана специально для него. И он имеет на это право.

5. VI, 1985 г. г. Петропавловск Казахский

Рецензия на один фильм

И вновь вращается круглый диск «Крутозора» и мягкий голос Павла Чекалина будит синюю пластмассу: «Он и в жизни был мой учитель...»

Это о Шукшине.

Почти во всех фильмах, что успел снять Василий Макарович Шукшин за свои большие сорок пять лет, присутствует музыка этого композитора. «Чуйский тракт», «Бродяга к Байкалу подходит», «Миленький ты мой», бережущие ту глубину и ясность, что нестари звались народными.

«Как-то он мне говорит: слушай, а ты поищи в старых сборниках? Такие чудные вещи должны быть. И сам же притащил на следующий день огромную кипу таких сборников. Выбрал я одну: во, говорит, то, что надо, я же ее с детства помню, у нас вся деревня нела, давай...»

Вспоминают о Шукшине. Как часто сейчас появляются строки, фильмы, рассказы о Василии Макаровиче Шукшине. И не присуждение ему Ленинской премии породило поток этих мемуарных рек, а стремление — чуть запоздалое — отдать должное всему совершенному им. Чуть запоздалое — это несколько месяцев после смерти человека, переболевшего жизнью полной, как Родина, великой, как она, истинной и добросердечной, как Россия.. Как его Алтай, как маленькая деревенька Сростки. Как те деревца, что он посадил перед сельской школой, кажется теперь их поливают и ухаживают за ними пионеры школы его имени. А мог бы он сам. Но — чуть, чуть..

«...Он очень любил Родину. Родина и мать были темой его произведений».

Лучшее воспоминание о нем — это он сам. Его книги, его фильмы. Ведь сказано же — это явление в нашем искусстве, и являть в искусстве, ох, как непросто. Многие являют всю жизнь, отмеченные наградами и почестями всех рангов, но вот — не явление.

Не являл он..

Он говорил о себе. И искусство — высшее и непоколебимое — как раз тогда искусство, когда ломаются и рушатся его каноны под естественностью выражения естества человеческого — без прикрас и духовных экзерсисов, без выпужденного стремления, что-то показывать и доказывать. Он рассказывал о себе. И рассказывать что — было...

...С утра позвонил приятель и сказал: «Сегодня будут показывать Шукшина — «Ваш сын и брат» — помнишь? Так что готовься». Так и сказал — готовься. Как к празднику, как к откровению. Ведь идем-то на Шукшина.

Я помню этот фильм. И памятным тем, семнадцатилетним виденьем, запомнил буйную алтайскую природу, да горечь в глазах паренька, оторванного от родных мест. Вот и все, не считая, разумеется того, что подмечено и тысячу раз описано критикой: да, конфликт со временем, да — жизненно, но описано с какой-то пасторальной усмешкой — ах, сибиряки, ах, сильны.

Рискну на другое. Нет конфликта со временем, нет и не может быть зависимости человека даже от его всеильного бега, его новых веяний и предрасположенностей, если только он человек. Но.., уже идут титры. «Ваш сын и брат». Сценарий и постановка Василия Шукшина. И первые кадры.

Все. В зале погас свет..

(Из творческого архива).

КИНОНОВЕЛЛА

Он скрипит под ногами, снег.

Он может скрипеть радостно. Это когда детишки, выплескивая глазами-лужицами брызги своего счастливого небогатства лет, выбегают из подъезда утром с ранцами за плечами.

Он деловито похрустывает, снег, под ногами деловых людей, спешащих в свои госучреждения.

И он безжалостен, снег, по отношению к нашему Герою. И близка его первоизданная — лишней, очень лишней фон к его появлению тоже утреннему — но не из подъезда, а рядом, из решетчатой дыры подвала.

В таком настроении холодно. Всегда. Холодно поживается Герою проходному, в сущности если пристальней не взглядеться, человеку. Шляпа. воротник демисезонного пальто приподнят. В открытом треугольнике темный узел галстука. Руки засунуты в рукава.

Только скрип. И следы, остающиеся на сразу же оттаивающем асфальте первом снеге.

Потом мы увидим кошелку Героя, медленно покачивающуюся в такт его шагов. В ней можно нести все, се непросвечивает, — продукты, хозяйственные дела — что-нибудь типа дрели, а может, фотоаппарат, как те, которыми детишки то и дело щелкают в парке, где застаем мы своего Героя.

В кошелке лежат пустые бутылки.

Найти их, в принципе, не проблема, — в укромном уголке, под забором, в урне, да мало ли где еще. Проблема — незаметно завернуть бутылку в газету — чтоб не гремела, — и присоединить к уже имеющейся стеклотаре. А для этого нужно озираться; наш Герой не профессионал своего нового дела, он еще только учится этому ремеслу. Холодно. Одиноко. Даже, если идиот молочко-половой спелости вовсю включает «Наедине со всеми», потешая свою подружку, уютно пристроившуюся верхом на одной из скамеек, что вытя-

нулись вдоль центральной аллеи городского парка культурв и даже где-то отдыха. От такого отдыха вздрагивается. Даже наедине со всеми. Ну все, кажется, обед. Пора. Сверим часы,

И у Героя есть друзья;
Толстый;

И еще один (со времен Вампилова известно, что один и еще один — это не обязательно двое).

Толстый живописен — и по одежде, и по лицу.

Еще один — безлик.

Они заняты делом — озабочены. Толстый злобно. Еще один беззлбно, индифферентно, ваньку валяет. На свалке их место; Аллегории отброшены — обозначено место. Нужен подсолнух, обязательно нужен подсолнух. Хорошо бы в контражуре. Чтоб брызги солнца, как корона над поникшей его головой. Поникнешь, если окрест — отбросы, рванье — тряпье, бумага, грязь, дым стелется, а под тобой — несколько метров такого же слоя. Интересно, как там живетя корням этого чахлого стебелька, почти без листьев?..

...Закусь сварганили быстро. Из карманов. Пирожок. В битой кем-то выброшенной трехлитровой банке — соленые помидоры (сначала опробовали, годится). Плавленный сырок (в табаке).

Из кошелки Героя достается Это. Это разливается. В чайную чашку. В стакан. В кружку. Они изымаются из мест, известных только им троем. Розлив точен: по булькам.

Есть еще. Но пусть приживается. Лучше разведем костерок — благо, никто не заметит. Толстый отойдет помочиться. Еще один с палкой уйдет в завалы. Герою вздремнется. Или подумается. Закрыв глаза. Возможно даже на все.

Потом Еще один радостно приволокет патефон А энтузиазма у дружков ноль. Но Толстый по злости все же берет инициативу в свои руки: открывает, грязным рукавом вытирает пластинку, изучает ее, плохо хмыкнув, ставит на круг, вытаскивает из уголка патефона иглы во рже, вставляет рожок, заводит, и зашипела пластинка, и прорвались, прорвались сквозь этот шип такты Мелодии... «Герой, откройте глаза, она звучит сейчас только для вас». С высоты ничего незнающих, горлающих и носящихся над свалкой чаек, это хорошо видно.

И быстрее, быстрее, Мелодия. Ворвись в его жизнь калейдоскопом стоп-кадров пройденной жизни, хотя бы дня минувшего. Гони, гони Героя туда, где сейчас его дом, гони под звуки все убыстряющихся шагов даже под их топот — так, трубя бегут элѐфанты сквозь горящие джунгли — к свежему воздуху, к свободе.

Остановиться можно только вот здесь — у двери кладовой в подвале. Зайти, осветить жилище тусклым светом лампочки. Сесть на топчан и из-под него достать в тряпочке сокровище — скрипку. Вместе с ней выпадет фотография, пока незамеченно улегшаяся в углу.

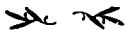
Теперь спокойнее. Возьмем скрипку в руки, протрем носовым платком. Платок — под шею, смычок на изготovu — первая нота той Мелодии. Отдохнем. Еще раз с самого начала. Звучи, звучи...

элефас (гр.). — слон.

Еще раз, еще. И — вот уже проступили контуры, очертания того, что можно назвать **МУЗЫКОЙ**, ведь просыпается же душа у человека, просыпается. И будит, будит душу инструмента!

...Птицу убивают на излете. Хлопок выстрела — и все. У нашей истории почти такой же конец, как выстрел, лопнет струна, извиваясь оборванным концом над колючим резным своим изголовьем. И полетит скрипка на пол, на фотографию, притаившуюся в углу, где наш Герой снят с этой скрипкой и еще в бабочке и фраке — молодой и красивый.

А музыка останется. Потому что оглдиваться на каждую измену может позволить себе только любовь земная. А та, о которой говорим мы, — из категории вечных, не правда ли?..

г. Серов Свердловской области, слет туристов-песенников.
На втором плане; И. И. Маслов — капельмейстер команды.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПЕСНЯ

За стеклянным колпаком аэропорта пошел снег. Какой-то непривычный, потому что только что было солнечно, ярко, тепло.

— Урал, — кто-то вздохнул из наших, — то снег, то ветер...

До самолета оставался час, и Володя Пятилетов вытащил из чехла гитару. Заслуженную — она у него еще с армейских времен осталась, побывала на Тянь-Шане и отрогах Алатау, мерзла на краю света, мысе Шмидта и лежала на горячих песках пустыни. На ней играл солдат, потом студент, а теперь — инженер Пятилетов. Турист

Петь не хотелось; через два часа будем в Серове, на слете, поэтому давай, Володя, свои музыкальные раздумия, классика — она ведь располагает...

«Не пробуждай воспоминаний», — пальцы полетели по струнам, торопливостью своей составляя контраст медленному плавному звуку, и семиструнный нотный стан расщепился стройным рядом бемолей диезов, ноты птицами слетали с музыкальных проводов, боясь обжечься на самом высоком своем звуке... Честно говоря, мы гордились, что среди нас есть человек, для которого имена известнейших гитаристов, как имена хорошо знакомых людей. В наш век поголовного подъездного бречанья высокое ценится особенно; гитары — не способ извлечения звуков, но способ выражения души.

И еще мы были чуть тщеславны, ведь знали же, что через пять минут шум вокруг, удивленно стихая, сойдет на нет, и кружок наш — восемь человек с навьюченными и раздутыми рюкзаками — обрстет неимоверно.

Даже Клавдия Петровна, дежурная по аэропорту, только что под напором очень любезного Славы Колосова (все-таки восемь билетов надо на ближайший рейс, а в АН-2 всего двенадцать мест), выдавшая билеты, чуть не забыла объявить; посадка Свердловск — Серов.

Многим, даже не туристам, известны слеты самодеятельных исполнителей памяти Грушина в Куйбышеве, приобретенные в последние

тоды характер всесоюзных. Самое достопочтенное жюри выслушивает песни, которые через несколько дней становятся популярными, участниками слета развезенные по стране — песни Ю. Визбора и Б. Вахнюка, А. Дольского, Ю. Кукина.

Серовчане на это не претендуют, скорее, на первом слете не претендовали. Единственно, что они обещали участникам — обмен песнями (забегая вперед, скажу, что Валера Литвиненко с ЗИМа за дни слета записал более 25 песен). Серовчане претендуют на другое — на дружбу с туристами всего Союза. И претензии эти оправданы. Но об этом — после.

«Сегодня во всю постарались петропавловцы. Маслов, капельмейстер команды, был строг, всеобъемлющ. Под его руководством патриотическая песня прозвучала на самой высокой гражданской ноте». (Из «Пес-туриста», бюллетеня пресс-центра слета).

Мы приветствуем слет. Эта честь, оказанная североказахстанцам, и как первым, прибывшим на него, и как участникам шиханских ТВНов, Иван Иванович Маслов, капельмейстер нашей капеллы, так официально называются команды, сказал: «Где бы ни были наши туристы, везде оставляли тепло сердец своих. По следу этого тепла можно проследить наши маршруты. Сегодняшний проходит через Серов. Мы дарим вам то, что умеем».

Эти слова были подтверждены уже через пятнадцать минут; в первом же конкурсе — патриотической песни — наша «Темная ночь» была признана лучшей. Председатель жюри, заслуженный работник культуры РСФСР Иван Федорович Тилькун, ставя высший балл, наклонился к Маслову; «Почему не предупредили, что у ребят музыкальное образование?».

Иван Иванович скромно промолчал, только Саша Рычков из североказахстанской «Шхельды» имел за плечами музыкальную школу...

Пожалуй, первый день был самым насыщенным — с 11 утра до полдвенадцатого ночи звучали песни в малом и большом залах Дворца металлургов. Журналисты, выпускающие юмористический бюллетень слета «Пес-Турист», так и называли его «Песни, песни, песни...» И городом-героем дня был... Петро-Сахалинск или Южно-Павловск. выбирайте любой. Валерий Карьков, ответственный секретарь газеты «Серовский рабочий» посвятил этому городу даже стих;

Окинем взглядом ретро
Южно-Сахалинск, что Петро
Он дружный, словно парус
С ветром — Южно-Павловск.

И все было очень просто, когда на сцену вызывалась команда Петропавловска. Выходили ребята с его песнями (первый приз — 50 песен). И с ними, неся с ними блестящие вокальные песни, девушка в черном, Кира — метеоролог из Южно-Сахалинска. Когда приглашали Южно-Сахалинск, к микрофону поднималась миниатюрная Кира Бернштейн, а В. Пятилетов с П. Рычковым оттеняли нежность ее исполнения мужественным перезвоном своих гитар.

Жюри — в растерянности. Зал — в непонимании. Кому и за что присуждены очки? Экстренное заседание. Журналисты из пресс-центра прокомментировали его результаты следующей фразой; «Итак, победила дружба».

Что ж, если задуматься, верно. Кира (кстати, она получила приз за дальность путешествия), увы, одна представляла славный остров Сахалин. И когда узнала, что на слете петропавловцы (читай; Петропавловск-Капчатский), была очень довольна — земляки. Ошибка раскрылась много позже, и ошибке этой рады были все, по крайней мере, кое-кто из нашей команды уже подумывает о сахалинских маршрутах, там североказахстанцы еще не были...

Надо сказать, об очках на слете думали мало. Конечно, всем хотелось победить. Но ведь главное — песня.

Главное, действительно, песня. А главная песня для туриста — веселая. И главный конкурс — туристов-оптимистов. Длился он шесть часов. Геннадий Иванович Гулин — один из устроителей слета — только успевал фиксировать; прозвучала пятидесятая песня, сотая. И ни одной повторяющейся. И — почти ни одной — старой.

Три круга, олимпийская система; шестнадцать участников, восемь, четыре — финал.

Багрицкий, Бернс, Евтушенко, Мориц, Матвета — поэтический «багаж» весом.

Музыка — и своя, и друзей, и «неизвестная», «известная».

А ПОСЛЕ конкурса все были у Вечного огня. Просто вышли из Дворца и по дорожке спустились к памятнику погибшим воинам. На постаменте, чуть склоняясь над огнем, высилась огромная фигура Матери. Вокруг, на мраморных плитах, отблеском желтели фамилии горожан, не вернувшихся с войны...

Кто-то стал фотографировать. Потом пели песни тех лет.

...Все разбрелись; читали фамилии героев. Валерий Карьков рассказал о городе. Городе имени Серова. Того самого, «исчато». «Курносые», так называли фашисты в Испании, он был из этих мест.

Кончался еще один день слета, точнее уже была ночь. И был концерт. Вне конкурса.

Подходили и подходили люди. Все были вместе, как в землянке, где «вьется в тесной печурке огонь». Все были вместе...

Первый слет — только начало. Сразу посл него было заседание оргкомитета по результатам слета, вторым вопросом значилось — подготовка к новому...

Петропавловск — Серов.

А МЫ ЛЮБИМ ЛОШАДЕЙ....

Для трав здесь раздолье; только топот копыт и будит их по утрам. И они покачивают своими тонкими стебельками вслед движущейся по беговой дорожке кавалькаде. Начинается обычный будний день на ипподроме, когда довольные собой мальчишки и девчонки гордо восседают на своих «рыжиках» и «гнедках», представляя, что и не тренировка это вовсе, а день испытаний, и под ними настоящие спортивные лошади... А пока — тренировка. И до нее — уборка денников, чистка, кормежка лошадей, — да мало ли забот с четвероногим другом?

Мы с детства любим животных. Игрушки, изображающие косуль, волков, медведей, конечно же, лошадей, и кто из мальчишек, посмотрев «Чапаева», не изображал легендарного надчиwa, скачущего верхом на... палочке. Теепрь время другое, современная ребятня уверенно оседлала велолoшадки, а вот тяга к живому коню осталась — «Встань передо мной, как лист перед травой...». Хорошо, если цирк придет и проталопирует по его кругу пара-тройка лошадей, живых, теплых, красивых, которых можно потрогать...

Надо сказать, что мечта многих мальчишек обрела довольно реальные черты, когда появилось объявление; на областном ипподроме открывается конно-спортивная секция. Есть и тренер — кандидат в мастера спорта СССР Ю. И. Пухов.

Двенадцатилетний Сережа Старков пришел со своей мамой: «Хочу заниматься, потому что люблю лошадей».

Лена Крылова; «Я студентка, учусь в Омске, живу здесь в райцентре, сейчас на каникулах. Только узнала о секции, сразу пришла, помогаю Оле Кимовой — второму тренеру. Пожалуй, лучшего отдыха и не знаю, хотя приходится и физически работать...».

— А что ты умеешь?—обращаемся, пожалуй, к самому маленькому наезднику Сереже Белокопытову.

— «Ножницы» умею делать. Это, когда лошадь бежит по кругу, а вольтижер, значит, я, делает на ней разные упражнения. Юрий Иванович, я покажу?

Следует разрешение тренера, и через пять минут на рыси по небольшому кругу Сергей показывает «ножницы», «соскок» — что ж, пока и этого хватит для десятилетнего малыша.

По-разному приходят люди к профессии. К той, своей, без которой трудно представить жизнь. О Пухове можно сказать так; он родился на ипподроме. Жил недалеко, вот и стал свидетелем не только «праздничной», что ли, стороны дела, но и будничной — чистки, уборки, тренажа до седьмого пота. А когда подросток до пятнадцати лет, направился курганский мальчишка в жокейскую школу, поступил в зоотехнический техникум. Затем работал на Пятигорском, Махачалинском ипподромах, ушел из профессионалов, получил квалификацию судьи и тренера конного спорта. Летом, по приглашению приехал в Петропавловск.

...Это был не совсем обычный груз — из вагона, гордо вскинув точеные головы, легко ступая по специальному помосту, вышли английские гунтеры — так именуют эту породу спортсмены-конники. Тут же, на станции, вагон обступили ребята.

— Монтан, Гантелис, Дренаж, Фургон, Графа... — они узнавали лошадей по описаниям тренера, который выбирал их для секции в далекой Прибалтике на Жагарском конном заводе; огромный иссиня-воронной трехлеток Монтан, резкий, норовистый Гантелис двух лет, англо-араб Фургон, рыжая миниатюрная Графа... Все они разные; не только принадлежность к породе (а классность лошадей позволяет выступать на них на соревнованиях любого ранга) оказывает влияние, но и среда, воспитание, тренировки.

— Все, — сказал тренер, — теперь, ребята, дело только за нами. Какими они станут в наших руках. Справимся?

Ответ светился в глазах ребятни. Было это неделю назад...

А теперь хотелось бы прервать репортаж о начале, о первых шагах секции, и от благородных чувств любви к прекрасному животному подействовать печатным словом на чувства свойства другого, — на ранодушие людей, которые, если и не обязаны признаваться в любви к вороным, серым и рыжим, то по крайней мере, выполнять свои обязанности по отношению к ним.

Итак, неделю назад чистокровные лошади были получены — холеные, сытые, игривые. Гантелиса под уздцы могли вести, как минимум двое — ретив. На пятый день, если бы не маленький рост, в леваду вывел бы его Сережа Блокопытов. Ответ прост — нечем кормить лошадей. Весь их рацион в эти дни заключался в нескольких охапках прошлогоднего сена, взятого Юрием Ивановичем тайком из совхозного стожка.

Предвидя возражения — сгущаете, мол, краски — сразу приведу слова одного ветврача из областного центра; «Да, — сказал уважаемый товарищ, поглаживая начинающие проступать ребра, — даже если дело с кормом наладится, в форму войдут через недельку. Они же дети — два-три года...».

Расклад очень прост — не было известно, кто станет их хозяином и прибывшим, отчего-то неожиданным гунтерам ни овса, ни сена, прива-

сено не было. Областные чиновники, имеющие отношение к покупке, пальцем не пошевелили, чтобы накормить ее живую, осьмушкой овса...

Вот такой урок получили ребята. Урок бесхозяйственности и безнравственности. Хотя начался он раньше — до сих пор они помогают тренерам и конюхам вычищать многолетний навоз из денников, ремонтировать помещения, где свистит ветер и, прощаясь вечером с Ю. И. Пуховым, видят, как он укладывается спать прямо на конюшне — в ней нет даже ворот, вот и приходится по ночам охранять...

А утром они соберутся на тренировку;

— Ты читал «Холстомера»? А «Мальчика на лошади»? — вот такая книга! Там один пацан...

И после чистки, уборки, — только после этого, — наконец-то усядутся, гордые, на скакунов; с заботы начинается любовь к лошади. С заботы...

Чтобы не оставить читателя грустным, закончим на оптимистической ноте. Заботу о наших голодных Монтанах и Гантелисах, получивших желанный корм и сено, и овес, проявил любитель лошадей, директор Новоникольского совхоза Зинченко Геннадий Иванович, приобретший их и для своей секции, и для племенного дела.

В защиту Орловского рысака

Орловский рысак был выведен в прошлом столетии графом Орловым-Чесменским.

Давно Орлову хотелось создать свою породу лошадей, не верховых, которых было много в южных странах, не грузовых, как в России, а упряжных. Упряжная лошадь Орлову была действительно нужна. И вот она создана. Нет сомнения, что граф Орлов блестяще достиг своей цели.

Эта лошадь, красива, стройна, обладает замечательной широкой рысью, но в то же время пригодна и для работы.

В то время Россия нуждалась в рабочих лошадях.

Девяносто процентов лошадей принадлежали крестьянам, следовательно Россия — страна по преимуществу крестьянского коневодения. Крестьянской лошади не хватало роста. Восемьдесят восемь процентов крестьянских лошадей составляли мелкие лошади, которых можно было использовать для самых легких работ. «Эта лошадь менее двух аршин, следовательно, вот что нам нужно улучшать. А затем улучшать те качества, которые ей необходимы: устойчивость в работе, хладнокровный темперамент, способность стоять, когда ее просишь, идти, не сопротивляясь, когда ее погоняют. Таким улучшателем должен стать либо наш, русский Орловский рысак, либо американец.

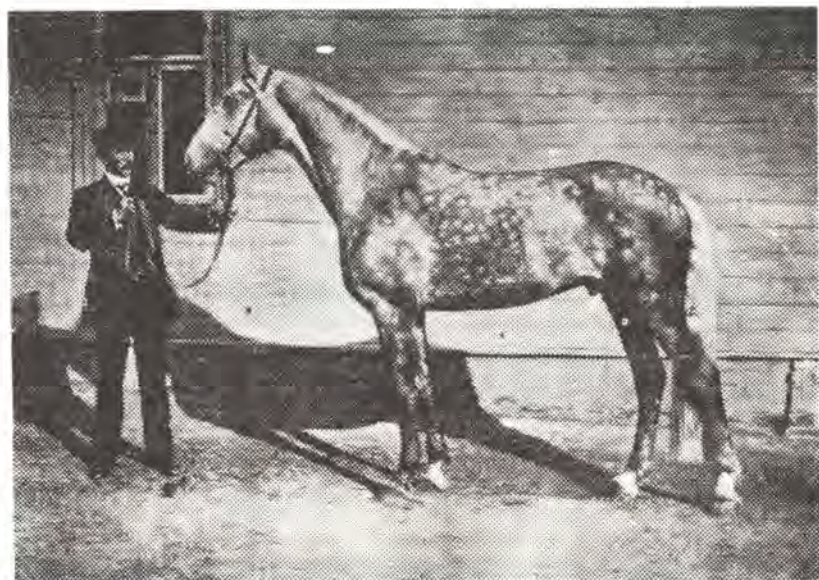
Разберем Американского рысака. В нем ничего этого нет, и следовательно, он представляет из себя тот крайний тип, который никогда не годен для улучшения нашего массового русского конезаводства. Он слишком высокого темперамента, слишком великого шага, мало массивен, не способен поднять ни массы, ни роста, и кроме того, слишком энергичен, следовательно, в нем все отрицательные качества, которые в формах русского рысака имеются, но как русского (орловского) рысака насчитывается 150 тысяч, то мы, разумеется, и заключили, что русский рысак, представляющий из себя производный от двух типов теплокровного и хладнокровного, и является элементом пригодности».

Так говорил «отец русских зоотехников» П. Н. Кулешов на Всемирном съезде конезаводчиков в 1990 году. Несомненно, он был

прав, ведь русский рысак из всех пород порийской крови, обладает наиболее живой силой, а потому и рысистый отдел Всероссийского съезда коннозаводства поступил совершенно правильно, когда признал, что русский рысак является наилучшим улучшательным элементом для отечественного коневодства. Но это было давно. С тех пор прошло более полувека. А сейчас обескураженные неудачными выступлениями наших рысаков в Париже, некоторые работники конных заводов и ипподромов склонны винить в этих неудачах наши отечественные породы. Это самое легкое: винить не себя, не свою работу, сваливать все на материал, с которым мы работаем.

Так, кто же виноват в том, что наши лошади не стали европейскими чемпионами: они или мы, лошади, или люди?

Основным методом должно остаться чистопородное скрещивание и разведение по линиям. И в конце я хочу привести слова профессора В. О. Витта, посвятившего всю свою жизнь коневодству нашей страны: «Самое главное — это остаться нам в час испытания верными своему рысаку, суметь удержать свои породы, не растеряв, не растрапив их в безудержных кроссах, и объединить все наши усилия в одном устремлении — показать миру, что такое советский РЫСАК».

КРЕПЫШ сер. жер. род. в 1904 г.

Величайший рекордист орловской породы за 150 лет.
Он и его потомство улучшали качества орловского рысака — гордости
Российского конезаводства.

«Крепыш» изд. 1926 г.

ПАУТИНКА

Заунывное пришептывание дождя осталось за порогом, за тяжелой дверью, а здесь — ни пронизывающего ветра, ни холода, ни острой свежести соседнего леса, здесь, как на маленьком островке из соломенной пыли и тишины, живой, теплой и трепетной, как атласная кожа вот этого копы, замерзшего в крайнем деннике. Лошади переговариваются, ударяют копытами в деревянные перегородки, вздыхают глубоко, в задумчивости пережевывают заваливающие сенные былинки: им есть о чем подумать — и Лена протягивает только что законченный рисунок. И то, что она говорила, лирический ее комментарий уже ни к чему: стремительные линии паутинки сами сделали свое дело...

Она появилась в секции внезапно. Не девушка, подросток, лет 14 — 15. Тонкая, ломкая, как и ее голос. Уже через день ребятишки были от нее без ума: она совладала с самой уросливой кобылкой, и та признала ее превосходство.

Торчала она на копышше день и ночь. Убирала. Мыла. Кормила. Чистила. Поила.

Говорят у нее в Ленинграде, дома, трагедия — мама вышла замуж, в 14 лет это переносится тяжело. Приезжала погостить к бабушке. Ее не спрашивали об этом. А она и не говорила.

...А она говорила:

— Он так блаженно замирает под твоей рукой и прижимается к решетке денника, и даже сдерживает дыхание — только ты не уходи, погладь его еще немножко, почешу за ухом, гриву потреплю. Ему ведь не пужно многого. Ему нужна только искренность. Искренность и доброта твоего человеческого сердца.

...После нее остался ворох рисунков, словно сотканных из едва заметных тонких линий шариковой ручки. На рисунках были изображены только лошади.

Лев Толстой, Фру-Фру и степняки

«В отворенном деннике Фру-Фру уже была оседлана. Ее собирались выводить... Вронский еще раз окинул взглядом прелестные формы лошади, дрожавшей всем телом, и с трудом оторвавшись от этого зрелища, вышел из барака». Помните? Ну, конечно, же, Лев Толстой, «Анна Каренина». Думается, читателям небезынтересно будет узнать историю покупки великим русским писателем настоящей Фру-Фру, чистокровной кобылы, у известного коннозаводчика князя Д. Д. Оболенского, воспоминания которого об этом случае были опубликованы в одном из изданий прошлого века.

Но вначале — небольшое отступление. Завоз английских лошадей в Россию заметно вырос в середине XIX века и диктовался он не только чисто гиппологическими запросами, но и подражанием все-му английскому по тогдашней моде. Вот почему и сторонников, и противников разведения лошадей чистокровной верховой породы было в избытке, в числе последних состоял и великий писатель.

Как-то — пишет автор помянутых воспоминаний — Толстой (нужно заметить, что Лев Николаевич очень любил степных лошадей, на прогулки ездил на них, считая, что «изъезду им нет») устроил в своем Самарском имении скачку на дистанцию 25 верст. В виде призов Лев Николаевич раздал татарам и киргизам халаты. А мерина, который выиграл скачку, привез с собою в Ясную Поляну. И мы решили померять силы чистокровной лошади или даже полукровной с победителем — киргизским меринком.

И вот, — продолжает автор, — устроили скачку. Дистанция 12 верст, скачка между гнедым меринком Л. Н. Толстого и взятой из тройки, только что отбежавшей 18 верст, полукровной пристяжной.

И что же? Конечно, степняк не мог идти тем пейсом, тем размахом, как полукровный, и на восьмой версте стал, к большому огорчению Толстого. Но этим все-таки Лев Николаевич не убедился, он приписывал неудачу неопытному своему ездоку: «Как это, 25 верст проскакала и выиграла, обскакав двадцать хороших лошадей, а тут на восьмой версте стала?».

Через несколько дней Лев Николаевич приехал в завод Оболенского и привез с собою того же самого мерина. «Хочу еще раз померяться с вами — на вашем кругу», — сказал он и предложил скачку на 8 верст. Д. Д. Оболенский взял из табуна Эсмеральду, известную в скаковых кругах кобылу, и велел выехать на ней конюшенному мальчику. На мерине Толстого скакал его испытанный, опытный паездник, но... Эсмеральда «простым, так называемым охотничьим галопом», пошла по кругу, быстро отделилась от соперника и не дала ему подойти даже близко.

Лев Николаевич, — заканчивает автор воочию убедился в своей неправоте и больше не стал спорить. Он тут же купил у Д. Д. Оболенского темно-гнедую кобылу Фру-Фру: имя ее впоследствии было дано лошади Вронского, на которой тот скакал и... «упал» в романе «Анна Каренина». Так уверовал в силу и резвость чистокровной верховой лошади Л. Н. Толстой, да и не только он один.

1984 г., май.

ПРЕДАНИЕ О ГОДОЛЬФИНЕ

Семьдесят четыре года назад в июльском номере журнала «Конезаводство и коневодство» рассказывалось о судьбе одного из родоначальников английской скаковой породы, арабского жеребца Годольфина.

Как известно, арабская кровь играет выдающуюся роль в происхождении английских скакунов, доведенных тренировкой и уходом до того блестящего состояния, благодаря которому лошади эти показывают на скачках иногда поистине изумительную резвость. Благодаря влиянию арабской крови создана и наша орловская рысистая порода. Происхождение последней относится к концу XVIII века, происхождение же английской скаковой породы несколько старше — оно совпадает со временем правления короля Карла II и, как гласят конезаводские летописи, тогда же положено основание существующим ныне ветвям чистокровной породы.

Из жеребцов-производителей, от которых ведут свое происхождение наши чистокровные скакуны, наиболее известные: боевой конь ирландского капитана Бейерля, отбитый у турок при осаде Вены. Некоторые авторы считают его арабским, но есть основание полагать, что эта лошадь турецкого происхождения, тем более, что сами англичане не считали его чистокровным арабом — от него произошел знаменитый Герод, второй жеребец Дарлей Арабиан, прозванный так за свое арабское происхождение.

Дарлей Арабиан был приобретен Дарлеем в Алеппо из пустыни Пальмиры и ввезен в Англию. Третий — варварийский араб Годольфин, имя которого чаще других встречается в генеалогических таблицах английских лошадей. О судьбе Годольфина сохранился любопытный рассказ.

Тунисский бей прислал в подарок королю Людовику XV восемь варваритских жеребцов. Но так как Людовик XV любил английских суффольнов, составляющих прямую противоположность варварийским лошадям, отличающимся сухими формами, то подарок тунисского

бея был вскоре позабыт при дворе. Жеребцов зачислили в королевские конюшни и так как они, по мнению французских спортсменов того времени, не годились под седло, то их стали запрягать в фургоны. В числе этих восьми туниских лошадей был жеребец Шама, так же, как и другие его земляки, обреченный на фургонную службу, но отличавшийся от них чистотой крови, будучи одним из потомков лучшей ветви варварийской породы. Он принадлежал к числу лошадей, называемых арабами «царями ветров».

Бей туниский был уверен, что посылая Людовику XV жеребца Шама, он делает ему самый драгоценный и поистине королевский дар. На шее Шама, по обычаю Востока, висела в мешочке из верблюжьей шерсти на алом шелковом шнурке прославленная длинная родословная его предков. Все это было снято с Шама конюхами и выброшено. Но немой араб Агба, присланный вместе с лошастью для ухода за нею, подобрал эти вещи.

Остальные арабские конюхи, сопровождавшие других лошадей, уехали на родину, но Агба предпочел остаться в Париже, питаясь милостыней, чтобы только не разлучиться с лошастью, к которой он не только привык с детства, но и питал ту необъяснимую дружбу, которая весьма часто встречается у арабов между человеком и лошастью.

Агба не отходил от Шама, чистил и ходил его, покупал ему на деньги, добытые милостыней, лакомый корм. Ленивые конюхи королевской конюшни, видя в этом облегчение собственного труда, не мешали арабу возиться с лошастью. Агба был счастлив этим, но не мог без горечи смотреть, на какую работу обречен его Шам, зная, что лошадь достойна лучшей участи.

В этом был уверен Агба еще и по приметам. По преданию арабы знают 70 предзнаменований счастья и несчастья, по которым они предсказывают судьбу своих лошадей. По странной случайности на Шама были два несомненных знака. Один означал, что судьба у Шама несчастливая, другой, наоборот, предсказывал счастливую жизнь. Первый знак заключался в небольшом вихре или клочке шерсти на середине груди, счастливым же знаком служила белая отметина на правой задней ноге.

Дикий, пылкий, неукротимый Шам, заложенный в фургон, бился, метался и не слушался вожжей. С ним немного повозились, а затем решили продать Шама купил простой развозчик дров. Новый владелец лошади был очень жестоким человеком. Он оставлял Шама на всю ночь запряженным за его непослушание и утром снова гнал на работу, Агба просил владельца лошади разрешить ухаживать за Шамом, но жестокий хозяин смеялся. Агба часто приходил к лошади и они по-своему расточали друг другу ласки. По воскресениям хозяин забавлялся этим зрелищем. В будни Шам должен был работать от зари до зари, таскать тяжелую телегу.

В один из таких дней какой-то квакер, имени которого предание не сохранило, увидел, как изводчик нещадно бьет свою лошадь, и из сострадания купил ее только с той целью, чтобы избавить ее от непосильной работы и истязаний. Узнав о привязанности нищего немого араба к купленной им лошади, англичанин был растроган этим. Квакер объяснил Арабу, что он купил Шама и что он возьмет Агбу к себе ухаживать за лошастью. Агба обрадовался.

Нужно сказать еще, что в тесной дружбе Шама и Агбы приняла участие также серая кошка, разделявшая все их невзгоды и не разлучавшаяся с ними до последних дней жизни. Английские художники, изображавшие впоследствии Шама вместе с немим арабом, никогда не забывали рисовать и их серую кошку. Шам, Агба и кошка были помещены квакером на одной из его усадеб. Здесь Шам, благодаря уходу Агбы и хорошему корму, вошел в тело и поправился. О прежних невзгодах напоминало лишь пятно побелевшей шерсти на коленях Шама, кожа на которой была повреждена во время работы на подвозке дров. Эти белые пятна, отметина на задней ноге и вихрь на груди составляют исторически верные приметы знаменитого производителя.

Квакер, хозяин Шама, был вполне доволен своей лошастью, хотя не умел ездить верхом, не имел и желания сесть на нее. Такое желание появилось у молодого зятя квакера, приехавшего к тестю погостить. Нужно было, однако, быть отличным наездником, чтобы осмелиться сесть на Шама, допускавшего в свое седло только Агбу. Шам скинул квакерского зятя, как перышко, и чуть не разбил его. Это обстоятельство было причиной новых бед. Квакер рассердился и продал Шама трактирщику «Коронованного льва» в Каринг-Кросе. Трактирщик поставил Шама к себе на конюшню, а Агбу выгнал вон, запретив ему показываться. Оказалось, что трактирщик считался лучшим ездоком в околотке, и не сумев справиться с лошастью, на которой мог спокойно ездить немой араб, возненавидел последнего за его превосходство над собой. Агба украдкой ночью ходил на свидание с Шамом. В одно из таких посещений он был замечен и посажен в тюрьму. Приписывая новые бедствия влиянию вихря, Агба смиренно ждал, когда наступит время действия отметины. Рассказ о несчастьях Агбы и любви его к лошади распространился в окрестностях и дошел до герцогини Мальборуг и лорда Годольфина, страстного любителя лошадей, имевшего свой знаменитый завод в поместье Гог-Магог в Кембриджском графстве.

Стараниями герцогини и лорда Агба был освобожден из тюрьмы и отправлен вместе с Шамом и кошкой в Гог-Магог. Здания завода поразили Агбу своим великолепием. Шаму отвели отличное стойло и вблизи от него дали комнату Агбе. Стойло это хотя и было лучше всех помещений, в котором приходилось бывать Шаму по прибытии его в Европу, но далеко не отличалось той роскошью, которую блистала мраморная конюшня Гобголена, заводского жеребца лорда Годольфина.

На жеребца возлагались большие надежды. От его потомства ждали замечательных успехов на скачках. По мнению Агбы, Гобголен не мог сравниться с Шамом, одного благородного происхождения которого было достаточно, чтобы отдать ему предпочтение. Достоинства, приписываемые Гобголену, по мнению араба, зависели от одной капли чистой крови, которой были переполнены жилы Шама.

Но в Англии в то время иначе смотрели на варварийских лошадей, их ценили очень невысоко. К тому же, неказистый вид изурнованного в трактире Шама не говорил в его пользу, и Шам был назначен «пробником» к Гобголену. К этому времени лорд Годольфин купил за 600 гиней славившуюся в трех королевствах своей резвостью кобылу Роксану, от Фляйч-Чилдерса, сына Дарлея-Арабиана и Маники. Лорд Годольфин и управляющий его заводом мистер Чиф-

ни думали возобновить чистокровную породу английских лошадей от приплода Роксаны и Гобгоблена, но Шам не допустил к ней последнего. После отчаянной схватки он, едва не забив своего соперника до смерти, с бою поспешно занял его место.

Гобгоблен был изранен. Узнав об этом, лорд прогнал Шама, Агбу и кошку за 60 миль от завода на бедную ферму, где Шаму приходилось жить зимой и летом на подножном корму.

С Роксаной поступили также строго, Запертая в отдаленном от Гог-Магогского завода отделении, оставленная всеми, Роксана ожеребилась.

Прошло два года. Три друга оставались по-прежнему в изгнании. И вот однажды в один весенний день на ферму прискакало несколько человек во главе с мистером Чифни за Шамом. Агба очень испугался; как ни худо было положение Шама в изгнании, по мнению араба, оно было лучше той роли, которую приходилось играть его любимой лошади в заводе.

— Успокойся, — сказал Чифни. Он показал удивленному арабу великолепные попоны и уздечку. Белая отметина торжествовала. Шам вернулся в Гог-Магог, как производитель. Причину этого отгадать не трудно. Жеребенок Роксаны от Шама, известный в скаковых таблицах Лассе, одержал будучи двухлетком замечательную победу на пробном состязании с невиданной до тех пор резвостью. В то же время предубеждение против арабских лошадей начинало слабеть. Потомки Дарлея-Арабиана; Фляйн Чилдерс, Дарт, Дедамос, Алеппо — постоянно оставались победителями на скачках в Эпсоме и Нью-Маркете.

Несколько лет спустя 3 сына Шама, Ласс, Кэд и Регумос, одержали выдающиеся победы на Нью-Маркетском ипподроме. На этих скачках присутствовал Шам, покрытый алым чепраком и убранный по-восточному. На нем в роскошном арабском костюме сидел неизменный Агба со своей кошкой. Зрители, заполнившие ипподром, аплодировали гордому коню и приветствовали его. Что касается Агбы, то он бредил наяву, не верил себе, ему казалось, что небо блистало белыми отметинами, и что мириады черных вихрей исчезали во мраке, в недрах земли. Из Нью-Маркета Шам был отведен обратно в Гог-Магог, и здесь прежняя мраморная конюшня Гобгоблена стала его помещением. На конюшне появилась новая надпись; «Годольфин-Арабиан». Зять герцога Мальборуга, сын знаменитого Сиднея, государственного казначея Англии, дал свое имя Шаму. Агба стал пользоваться не меньшим почетом, чем его лошадь. В библиотеке Гог-Магога долго хранилась картина художника Субесса, изобразившего на полотне самого Годольфина-Арабиана и его двух друзей. Многие потомки Годольфина сыграли важную роль в формировании породы, но среди них выделяются два внука Годольфина — Метчем и Эклипс (правнук Дарлея — Арабиана) — сын Снилеба и Регумоса.

Годольфин-Арабиан пал в Гог-Магоге в 1753 году (29 лет) и был зарыт в галерее, ведущей в его конюшню, и здесь до сих пор сохраняется мраморная доска с именем Годольфина, которому многим обязана английская порода скаковых лошадей.

1971 год — январь.

Я после репортажа из-под воды.

КОСТЕР НА СНЕГУ

Это были горы. Снежные и красивые у подножия, наверху они оказывались холодными и неприветливыми. Участников соревнований было 50. Разноцветно украсив желтыми, красными, синими лоскутами своих палаток и костюмов белизну снега, они очень быстро стали неотъемлемой частью гор. Ведь горы только тогда и хороши, когда в них присутствует человек. А в нем — они. Если нет такого понятия — «чувство гор» — давайте введем его. Как стремление человека почувствовать красоту своих владений. В самом себе.

Это были простые соревнования. И вершина не ахти — не Эльбрус. Но с нее и начинается Эльбрус.

...Признаюсь, мне было не по себе. Страшновато. А ребята поднимались и спускались. Звонко цокали «копыта» их трикошей по скалам, обледеневшим и холодным. Солнце псыгрывало на верхушках сосен блеском снега, рассыпаясь вокруг, — сказочная природа.

На трассе были двое — Вадим Петрович Кашенцев и Володя Мурзаев. Разница в годах чуть ли не двадцать лет. Они тянули «судейскую» — веревку, определяющую маршрут завтрашних соревнований. Через несколько метров, если только можно метрами означить путь, который на каждом повороте предлагает ловушки, срывы, в малейшую расщелину забивали крюки, навешивали карабины — и дальше.

Погода была, действительно, сказочная. В Боровом всегда красиво, зимой особенно. Со страховкой потянулись навстречу к Кашенцеву, я понял это. Мы присели на камень и переглянулись: с Лягушихи открывалось Чебачье — черная вода просвечивала серыми глыбами дна. Вееры сосновых веток чуть закрывали от нас лагерь — палатку да костер на снегу — яркий лепесток огня вырывался из каменного круга.

Вадим встал: пора вниз.

— Между прочим, — сказал он, — все вокруг — это тоже туризм...

Собственно, горы тут ни при чем. Хотя ими все начинается, да и кончается горами. Об этом будет еще сказано, а пока давайте на серединке остановимся и поговорим о туризме.

«Туризм — это кругозор», «Туризм — это лучший отдых», «Туризм — это спорт» и т. п.

Конечно, всегда были люди с «щемящим чувством дороги», для которых уют домашнего тепла — каторга, а вольный ветер странствий, необходим. Ничего не поделаешь, романтика — это состояние души. Над ней смеются, иронизируют, а людей таких с каждым годом больше. Ученые даже причину выискали: урбанизация. Физтруда мало — вот и тянет в дорогу.

И тянутся вереницы людей, пытаюсь уместиться в «прокрустово ложе» совпрофских маршрутов, — по Забайкалью и Кавказу, Тянь-Шаню и просто по родному краю. Пусть читатель не подумает, что автор против них. Отнюдь. Просто на минуту забудем об этих, ставших уже «штатными» романтиках и вернемся в морозный вечер на Лягушихе — завтра здесь начнутся первые областные соревнования по горной технике. Для североказахстанских туристов это событие; еще несколько лет назад никто из них не имел «горных» разрядов, сейчас около двадцати имеют зачетные книжки.

В палатке было тепло: студенты из «Буревестника» прихватили с собой походную «буржуйку». Дров много; вчера прошел буран и наломал сухих деревьев вдоволь, когда проходили мимо Борового, последствия бурана были видны и здесь.

На Лягушихе стучали молотки. Кашенцев и Мурзаев готовили трассу, их ждали к ужину. Готовили снаряжение.

— Ты смотри, — сказал кто-то, — кашенцевский попался, — и протянул мне карабин. На никелированном треугольнике стояли инициалы «В. К.». Оказывается, кто то из похода по Тянь-Шаню привез.

— У Петровича «фирма» своя...

Потом оказалось, что у Петровича и молоток фирменный, и вообще, полснаряжения свое. Он слесарь шестого разряда. Мелочь такая — карабин. И госцена-то ему 35 копеек, а не достать, хотя в горах мелочь — это не мелочь.

Разговорились. И выяснилось, что почти все — его ученики. Вот их рассказ.

Вкратце. Начал ходить в походы 20 лет назад, когда только затевался спор между «горниками» и альпинистами. Кто лучше? Представьте; альпинисты готовятся к покорению, у них техника в руках. У туристов не было почти ничего. И ходили они, между прочим, бывая и на многих вершинах — альпинистских вотчинах — на положениях посынков.

Этакий спор любителей и профессионалов — кто кого? И хотя спор этот не закончен, уже тогда во многих уголках страны появились горные туристы — они пользовались альпинистской техникой и в маршруты свои включали вершины особой сложности прохождения. И проходили. Среди таких любителей был и Кашенцев.

Он был туристом, конным и пешим, катил на велосипеде и покорял вершины.

На утреннем построении поступили заявки на четыре команды; двое от «Металлиста», «Буревестника» и самые юные ребята из областной детской туристской станции. Главный судья соревнований Р. Колосов нажал секундомер. Судьи на этапах заняли свои места, укутавшись в шубы так, что еле виднелись на склонах Лягушихи; начался ветер, пошел снег. Кашенцев, начальник дистанции, еще раз проверил «паука» — по нему будет проходить последний и самый трудный участок — переправа «Бахман», «булинь» — это все известно, в учебниках — есть, а «паука» нет, из-за него на республиканских соревнованиях наши штраф схватили. Там и научились вязать этот проклятый узел. И все-таки проверить надо: три конца веревки (стопроцентное крепление — человека переправлять!) — крепятся в единый узел, а уже через него навешивают переправу. Через 20 минут судья второго этапа зафиксировал первого участника — вниз спуск.

Дюльфер, пожалуй, один из самых красивых его видов. С отвесной скалы — метров 15—20 — отталкиваясь ногами, падает человек, прерывая свое падение лишь захватами веревки. Несколько секунд — и внизу разгоряченный готовится снова — вверх.

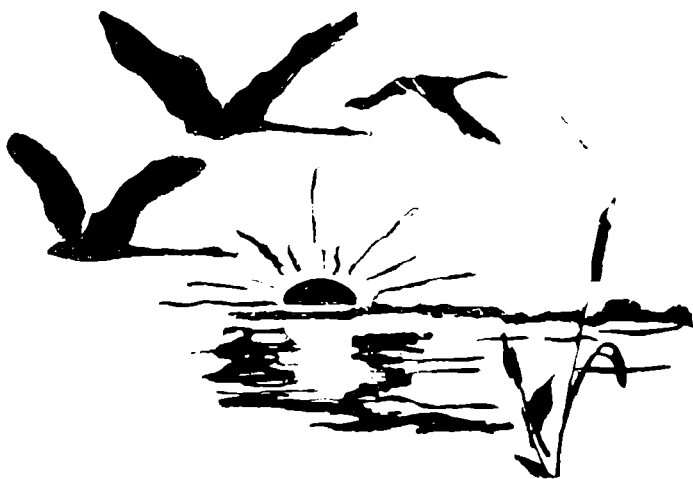
Через час пятьдесят минут капитан первой команды «Металлиста» Виктор Сальков, оглядев снаряжение, уложенное тут же, у костра, доложил: маршрут закончен.

На заключительном построении объявили результаты вчерашних соревнований. Команда В. Салькова — первое место, В. Кузнецова — тоже «Металлист» — второе место, третье заняли студенты пединститута, а команда ОДТС, отстав всего на несколько минут — последнее.

Как нарочно, погода выправилась. Оставалось только вздохнуть: вот бы вчера. Решено было устроить показательное выступление и лучшие стали готовиться к трассе. Кашенцев, выбранный капитаном, распределил очередность в восхождении, заработал секундомер в руках главного судьи, все было как обычно.

Но, пожалуй, не совсем обычно. Ведь горы — всегда сложно и трудно. Вот почему горный туризм — вид чуть ли не самый высший в иерархии туризма. Выносливость туриста тут сочетается с навыками альпиниста. Прежде чем подняться на ледник, преодолеть перевал, нужно пройти десятки километров пути, тоже трудного и неустроенного. И он, действительно, на любителя.

На любителя — подниматься, рискуя увидеть головокружительные высоты. На любителя — заметить трепещущий язык костра внизу. На любителя — выходить из рамок «курсовки» легкости и проторенности. И это интересно.

Новикову Гусельников как-то сказал:
«Вот когда ни один лебедь не будет бояться людей
в заповеднике, мы сделаем «свое дело».

Чтобы лебеди жили. .

Осенние ночи здесь студёные, и поэтому по утрам, когда солнце начинает давать первое свое тепло — часты туманы.

Они выплывают из начинающих светлеть проселков и рощиц (особенно там, где почва увлажнена, места болотистые, сырые): клубятся от маленького озера за Беловкой, стелются в полуметре над землей и, подталкиваемые легким утренним ветерком, устремляются к пашне — черной, перепашанной; обволакивают своими молочными языками деревенскую дорогу и крайние дома самой деревеньки и уж там, за ней, властвуют вовсю, пока первые крики пастуха и глухой топот бредущего на последние выпасы стада не разгонят их — время предутренней свежести и пробуждения земли кончилось, день начался.

Мы стояли на Бескадобском грейдере лицом к Беловке. Через пашню — метров восемьсот — девятьсот. Слева дорога уходила мимо села на фермы, справа — к озеру Рям и котловану. На наезженной дороге уже ничего не было видно. Никаких следов.

— Вот здесь все и произошло, — сказал Новиков. Он принакрыл глаза ладонью и посмотрел на крайний дом. Из-за дома двигалось стадо. Было восемь тридцать утра. Воскресенье. Ровно неделю назад здесь на территории Мамлютского заказника, в нескольких стах метров от села разыгралась трагедия, действие которой — до мелочей — найдет свое отражение в двух пухлых томах уголовного дела по убийству сестер Гусельникова и Гуфенко отцом и сыном Дубинными.

Два тома — с фотодокументами, справками, протоколами многочисленных допросов и экспертиз, заключениями различных специалистов, свидетельскими показаниями множества лиц — будут иметь в своем объеме 575 страниц.

Через полгода, после слушания дела, на выездном заседании областного суда в Мамлютке под председательством Т. Е. Бородиной и с участием прокурора области А. Н. Куронятника, будет вынесен суровый, но справедливый приговор; отцу, Николаю Михайловичу, — исключительная мера

наказания — расстрел. Сыну, Андрею — 10 лет лишения свободы. За укрывательство оружия получит свое и их родственница пенсионерка Тельмашкина Ирина Федоровна,

Сейчас, когда в деле поставлена последняя точка, можно рассказать о нем. Хотя все было ясно уже тогда, убийцы были пойманы в тот же день, 27 сентября 1981 года. Но следствие шло не по накатанному пути, появлялись (и могли появиться в случае публикации) некоторые обстоятельства, ему мешающие, вот почему рассказ этот уместен только сегодня.

Итак, прошлый год, осень. Двадцать шестое сентября. Суббота. Вечер.

НОВИКОВ. Мы всегда в этот день баньку топим. Это с детства повелось. Я ведь из этих мест. Уезжал, правда, после школы, — окончил строительное училище в Семипалатинске, строил, потом в армии служил, потом в Красноярск перебрался, женился, работал на заводе художником — оформителем. У нас места сами видите какие — не захочешь, в душу западут, поневоле лириком станешь. Ну вот, вернулся десять лет назад — мама плоха стала. Перевез семью, лесником устроился. Дело вроде с детства знакомо — любить и охранять лес — попервости трудновато пришлось. Тогда вот я с егерем познакомился. Разные были, честно скажу. Кто душой болел, а кто как в командировку ездил. Толик Гусельников, тот фанатик был. Как принял дела года два назад, познакомился мы с ним, так он сразу сказал — я из этого заказника всю нечисть выведу.

У нас же тут столько дичи было, лосей, коз — на полкрасной книги хватило бы. А не бережем.. Каждый охотник не охотник, а уже норовит ружье прихватить, да бабахнуть из двух стволов.

Вместе работали. Толик как приезжал, ко мне заезжал. Перекусим — и в лес. Много переловили браконьеров. Я тоже внештатным охотинспектором стал. В лесу одному бесподручно. Так что и мое дело вместе делали, — пожары тушили, деланки размечали. Территория у нас почти совпала по границе заказника — около трех тысяч гектаров.

...Да, так отвлекся я. Заехали они под вечер, в субботу. Жена мне кричит, Толик, мол, приехали. Вышел, я. Вместо Шмакова (то — напарник его, тоже егерь) был Володя Гуфенко, внештатник, уже несколько раз с ним приезжал. Саша, говорит, заболел, в город его завез, теперь вот с Володей, за одним гадом последить, надо, опять его видел, не с добром он приехал.

Так они и поехали, как поймаем, говорят, тогда попаримся... А утром...

Новикова: Утром я корову выгоняла. На задах была, за домом, Вдруг слышу — выстрелы. Смотрю две машины, одна вроде Толика, грузовая и легковая. Толик обогнал маленькую. Стихло все, потом люди вышли двое-трое — туман был — ясно не видно, и опять пальба, кто-то упал.

Я к мужу. Смотри, говорю, вроде беда какая-то на дороге. Он схватил бинокль, потом к лошади — и туда. Да, туда еще двое верховых заглянули, покрутились и уехали..

То утро разные люди встречали по-разному. Полковник Брагин из отдела уголовного розыска области был на даче; давно обещал жене морковку выкопать. Только успел пересидеться — дежурная машина. Вновь переделся уже в машине — было девять часов 15 минут, убийство по предварительным данным было совершено около 40-50 минут назад. В управлении была уже создана и выехала на место оперативная группа розыска, которую возглавил полковник Терехов. В нее вошли инспектора угрозыска,

эксперт, Геннадий Игнатьевич Брагин руководил действиями в городе. Нужно было узнать кому принадлежит автомашинка «Жугули» или «Москвич», (свидетель не разобрался в марках), голубого или синего, цвета, с плетеной сеткой на заднем стекле с номером, в который бы входили предполагаемые три цифры — 4, 0, 6. Срочность розыска обуславливалась как тяжестью совершенного преступления — «расстреляны в упор» так и тяжестью того преступления, которое еще могло произойти — убийцы похитили егерский карабин типа «Сайга».

Было воскресенье, людей поднимали с постели, искали у знакомых, где кого смогли найти. В полдень были известны фамилия владельца машины, его адрес. Задержание произошло вечером в 19 часов, когда последние сомнения в «авторстве» убийства были отмечены показаниями свидетелей, родственников, сопоставлением всех выясненных данных.

В задержании участвовал и старший лейтенант В. В. Гунгер (теперь капитан), которому первому было сообщено об убийстве и который это сообщение передал по цепочке район — область. Две оперативные группы из Мамлютки и Петропавловка, прибыли почти одновременно — около десяти часов утра. Выяснено уже было многое.

ГУНГЕР. Утром я собрался к «трудному». Ведь работа участкового во многом зависит от того, как он ведет профилактику. Только фуражку надел — звонок. Новиков из Беловки. До нас, центральной усадьбы, километров 10 будет — через 20 минут был там. Зрелище, даже для меня, милиционера, страшноватое. Большие, еще не успевшие до конца впитаться в землю лужи крови. Ребята были заброшены в кузов егерского «ГАЗ-63», Володя Гуфенко полураздетый. У того и другого чудовищные раны от выстрелов в ухо и в глаз..

Тут же провели «оперативку» — показания Новиковых, их соседей, видевших машину, верховых постухов — Байтуякова и Курденкова, агронома Аманжолова, Тельмашкинных. Было выяснено..

Выяснено было многое, что в деталях затем уточнило следствие и что нашло подтверждение в ходе судебного заседания, длившегося два дня.

Вечером 26 сентября Дубинины на недавно приобретенном «Москвиче», прибыли к своим родственникам — Тельмашкиным. Поужинали. Мать с дочерью легли спать, отец с сыном подались на охоту — на «ондатр посмотреть». Надо сказать, что подобные «вылазки» они совершали часто. Кстати, как потом выяснится, последний раз были 25 сентября. Сын, которому через три дня после убийства исполнится 15 лет, умел стрелять. «Отец расставлял фанеру в лесу, как мишени, и я учился стрелять».

«На ондатр» они взяли два двухствольных ружья, хранящихся здесь же, в Беловке, у сводной сестры отца Ирины Федоровны Тельмашкиной на чердаке. С ондатрами им не повезло. Утром от котлована где ночевали, поехали к озеру Рям. Там Андрей хотел убить утку. Промазал. Выстрел услышали те, кто и должен был услышать — егеря, которые сторожили неизвестных на озере. Неизвестные стали известны. «Москвич» голубого цвета, «ГАЗ-63»; остановился в метрах пятидесяти от него. Вышел Гусельников в кителе, форменной фуражке, с карабином. Крикнул: «Стой». «Москвич» резко тронулся. Егерь выстрелил вверх.

— Какой приткий! — сказал Дубинин старший и прибавил газу. (Эти и подобные слова, замечания восклицания автор не придумал для «живости рассказа», они подтверждены документами дела).

Погоня длилась несколько минут — егерский «ГАЗ-63» обогнал браконьеров и остановился, но «Москвич» лихо обошел машину. Вновь Гусельников и Гуфенко нагнали Дубинина уже у Беловки, на виду у крайних домов

и перекрыли им дорогу — слева пашня, справа пашня. Вновь Гусельников вышел из машины, в руках карабин, на голове форменная фуражка; «Стоять».

Из «Москвича», с ружьем наперевес вышел Дубинин; «Уйди, стрелять буду». Гусельников вскинул ружье вверх. Почти одновременно раздался выстрел. Анатолий упал и уже в падении успел нажать курок, пуля прошла через полу пиджака Дубинина.

Поставим точки над «и». Чтобы не было недомолвок и сомнений типа «имел ли право стрелять». Имел. — И — умел. Если бы даже представить такое непредставимое желание Гусельникова стрелкнуть по браконьеру, поверьте — он бы не промазал. Анатолий был отличным стрелком, брал призы.

Итак, выписка из инструкции: «Выделенное работникам.. оружие может быть применено: а) для отражения вооруженного нападения на работников охотинспекции при исполнении служебных обязанностей, а также для подавления вооруженного сопротивления их законным действиям».

В указанных случаях оружие применяется после трехкратного предупреждения окриком и произведения выстрела в воздух, за исключением тех случаев, когда по условиям нападения не остается времени для предупреждения»...

Как видим, Гусельников поступал по инструкции, по существующим правилам. Эти правила, инструкции предусматривают, все-таки главное, что должно быть в человеке — человечность. И на таких людей, как Дубинин, они не распространяются. И игра в охоту, в которую учил Дубинин — старший младшего, подсовывая ему фанерные мишени, была не по правилам. По многим причинам. И прежде всего и — жизнью, прожитой до этого дня — жестокой, подлой. Жизнь, как и игра в охоту, сыгранной против всех правил и норм человеческого общения.

Выстрелы этого сентябрьского утра производили не вдруг. Для тридцатилетнего Анатолия Гусельникова и двадцатичетырехлетнего Володи Гуфенко они оказались роковыми, последней точкой в биографии они стали у Николая Дубинина и очень серьезной заминкой в жизни Андрея.

Через несколько минут, когда «все будет сделано», они заснут к Тельмашкиным. Отец прикажет жене и дочке собираться, скажет; «егерей постреляли», затем попросит сестру спрятать ружья и мешок с боеприпасами, свою одежду с пятнами крови. Переоденется в чистое, зятево, затем спи выпьют на дорожку по стакану молока и отправятся в Петропавловск. Там Дубинин — старший спрячет под пол в гараже карабин, личный бинокль Гусельникова, помост машину и сходит с дочкой за арбузом. Когда в семь часов вечера он услышит шум во дворе — овчарку Дубининых «перекрыла» милицейская собака, в дверях и окнах увидит людей в форме, спрячется в подвале. Когда его найдут, скажет; «Жаль что так скоро, не думал, не успел подготовиться. Скажет он это хладнокровно, и первый допрос его будет самым чистосердечным и от чистосердечности этой совершенное покажется еще более чудовищным».

27 сентября 1981 года. 20-10. Допрос в помещении Кировского РОВД, г Петропавловска. Дубинин; Гусельников выстрелил вверх, и в это время я выстрелил ему в живот, он упал на землю. Я выхватил у него карабин. В это время он сказал: «Тогда добивай меня, сволочь». И я выстрелил ему в голову....».

Когда из машины после первых выстрелов выскочил Гуфенко, у него в руках была заводная ручка от машины. Он не был вооружен, кроме нес, ничем, но увидев, что его товарищ упал, пошел на стреляющего.

Володя Гуфенко был инженером. Дружил с Анатолием, помогал чем мог. Мог он немного, хотя как знать: очень любил лес, животных, был

честен. Здоровьем был плох; одна рука почти не работала, прихрамывал с детства. Такой он и вышел на врагов. Потому что их уже было двое: отец не успел перезарядить ружье и приказал сыну стрелять. Один против двоих. Человек, с детства страдающий недугами, и два здоровых физически человека, оба выше его ростом.

На этот раз выстрелил младший, окрик отца стал для него приказом. Приказом к убийству. Фанерные мишени сделали свое дело — дробь пробила сердце, легкие. Очередь была за старшим: он перезарядил ружье. Выстрелил в голову. Все.

Они открыли борт егерского ГАЗ-63, побросали убитых туда, закрыли борт, забрали карабины, бинокль сели в машину и тронулись. Немного отъезжав, вернулись; забыли выключить фары, но увидев двух верховых, проехали мимо — в Беловку, к Тельмашкиным.

Их машину видели, но спутали: то ли «Москвич-412», то ли «408», а то ли вообще «Жигули». Заметили только стекло, закрытое плетеной сеткой, да в номере цифры есть — 4, 0, 6. Остальное сделала милиция.

Мне кажется, не стоит добавлять много слов к личности Гусельникова и Гуфенко. То, как они вели себя в последние минуты, говорит само за себя. И все-таки два-три штриха.

У Анатолия два брата — егеря. Сам — прекрасный охотник Женат двое детей. На работе пользовался большим уважением; предлагали стать старшим охотинспектором — отказался, чтобы больше быть в лесу», «дело делать». Был бескомпромиссен. Мог остановить «невзирая на лица» любое начальство, директора совхоза оштрафовал и изъял ружье за то, что тот, хоть и по ошибке, но убил лебедя. Приехал после этого случая весь белый, и только сказал: «В сердце больно», Был спокоен и корректен.

Володя говорил, что с ним он чувствует себя спокойно: выдержка Гусельникова действовала не только на его врагов, но и друзей. Сам Володя был спокойным и тихим. Несколько лет в школе занимался в кружке юных натуралистов.

Оба любили природу. Отсюда и тяга защищать ее. Новикову Гусельников как-то сказал: «Вот когда ни один лебедь не будет бояться людей в заказнике, мы сделаем свое дело».

Многие, кто был на суде, задавались мыслью: зачем? Ну что бы остановиться, не стрелять... Не мог Дубинин этого сделать — не так он до этого жил, не так готовил к жизни сына.

Из архивной справки: 28 декабря 1957 года народный суд Мамлютского района рассмотрел уголовное дело по обвинению Дубинина Н. М... «Да четверть века назад Николай Дубинин, тогда еще двадцатилетний парень, пьяный, стрелял в людей. Думал, ничего не будет — в армию его не взяли, так как лечился, несколько недель в психоневрологическом диспансере — «нервы сорвал». Был осужден на восемь лет. Вышел, переехал в город, женился. Дети появились. Работал бульдозеристом. Жил затаенно — ни соседи, ни на производстве о нем почти никто ничего не знал. Ну, работает, ну иногда выпивает (в характеристике с места работы упоминается недавний случай с медвытрезвителем). Жил за высоким забором. Один свидетель защиты так и выразился — «за забором ничего не видать».

Только на суде стало ясно, что скрывал Дубинин за входом в свои владения; мирок мелкого хозяйчика и дельца, вора и преступника (в ходе следствия выяснилось, что ружья которыми пользовались Дубинины, — ворованные. Незадолго до этого Дубинин — старший выкрал их из служебного гаража). Мирок человека, дышащего «своим» воздухом — накопительства и наживы. Для этого уклад его жизни и был приспособлен: в

доме его боялись, слушались по первому слову, по нахмуренному взгляду. К незаконной охоте сына он привлёк давно — «ондатр посмотреть», кто осмелится возразить?

«Психический сильно», — сестра И. Ф. Тельмашкина.

Даже жена, всячески восхваляя его на суде, заметила; «Держал в большой строгости».

«По характеру злой, иногда бил ремнём брата», — двенадцатилетняя дочь Тоня.

«Андрей учился средне, трудиться умел, кажется, боялся отца», — классный руководитель.

Он и на следствии и даже на суде, пытался доказать, что действовал «по психу», ничего не помня, требовал медицинского переосвидетельствования. Хотя, когда факты предъявили, вспоминал многое.

ВОПРОС: Вы были знакомы с Гусельниковым?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Когда и при каких обстоятельствах у вас изъяты охотничий билет и право на хранение и ношение охотничьего ружья, а также наложен штраф 50 рублей, за производство охоты без путевки. Кстати, вы заплатили его?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Цитирую, подсудимый, документ из охотинспекции; «задержание и изъятие охотбилета Дибинина и разрешение на право хранения ружья из органов внутренних дел проведено рейдовой бригадой в составе;» Может, вспомните сами..

ОТВЕТ: Вспомню.

ВОПРОС: Так знали вы Гусельникова?

ОТВЕТ: Знал, Он тогда ни за что меня остановил. Я ведь не думал, что нахожусь на территории заповедника.

ВОПРОС: Вы же родились и выросли в этих местах?

ОТВЕТ: А вдруг границы сменились?

И, наконец, последний «довод» Дубинина — старшего, который он привёл доказать свою невинность: он считал, что его остановили бандиты. А форма? И вновь увертка: перседетые бандиты. И как ни смехотворно это звучало, вновь и вновь шло разбирательство два дня, десятки свидетелей, сотни выясненных мелочей.

..Нет, эти выстрелы прозвучали не вдруг. И закономерность их не вызывает сомнения. Как и встреча непримиримых начал — чести, отваги и зла, коварства, разнузданности. И ребята победили, ценой жизни. Горька эта победа. Для их родных, близких, друзей.

Лицо Анатолия промелькнуло в фильме раза два, три, «Вот он» — сказал кто-то из моих соседей. Киномеханик остановил кадр. Прямо перед нами на экране четкий виден профиль молодого красивого мужчины. Он держал в руках вещмешок, рядом стоял егерский «ГАЗ-63»;

А начинался фильм так. Камера панорамирует — широкое, в камышах, озеро, летят величавые красавцы, вдруг — вскинутая двухстволка. И — выстрел. И крик лебедей разносится над водной гладью..

Фильм, снятый петропавловскими тележурналистами, носит подзаголовок «Монолог егеря». А полное название «Я хочу, чтоб жили лебеди». ..Теплая, с любовью сделанная картина. С любовью к природе, к красоте вокруг нас, о том, что красота, если ее не беречь, идет на убыль. Это подтвержда-

ют и сводки, где против граф различных видов животных, обитающих в нашей области стоят цифры, — все меньше и меньше, а где и вообще прочерки.

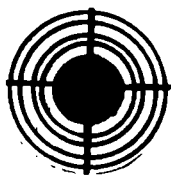
Защищать эту красоту от тех кто ради наживы, шалости, глупости или праздного любопытства стрелят, топчет, убивает, и призвана госохотинспекция»

И последнее. В беседе начальник облгосхотинспекции Г. К. Кучуков привел такие вот факты; страдают инспекторы от слобой технической базы. Семь стареньких машин да один снегоход «Буран» (кстати, обранный из двух списанных), ни одного гаража, не хватает запчастей, резины, топлива; И это — на четыре заказчика. Стоит, правда, в Красном боре лошадь Савраска на балансе, но Савраска далеко не вывезет, а вот снегоходы нужны, без них зимой за браконьером не утонишься.

«Да что там», — подытожил беседу Газив Казиевич, — «несколько лет форму не меняли, вот и уходят люди».

Только это не порядок. Беспорядок, когда люди, охраняющие природу и делающие эту работу с риском для жизни, не могут по чьему-то недогляду-недосмотру до конца исполнять свой долг.

Помочь, им нужно. Чтобы не раздавались выстрелы, которые не должны раздаваться. Чтоб в лесах наших живность увеличивалась. Чтоб сохатые гордо вскинув точеную голову всхрапывали; а не бежали, ломя чашобу, услышав шум приближающихся шагов, чтобы лебеди, которые так быстро привыкают к людям, были живы..

Три жизни мастера Ханджяна

В отделе изобразительного искусства областного историко-краеведческого музея хранятся две работы известного советского художника, лауреата Государственной премии СССР, Г. С. Ханджяна. Пожалуй, трудно остаться равнодушным, глядя на «Протест» и «Войну», — писанные углем, они метафоричны как по форме, так и по сути — таково кредо автора. Рассказ о Г. С. Ханджяне мы и предлагаем сегодня вниманию читателей.

Пока есть время, лучше всего посидеть вот здесь, в кофейне, что незаметно устроилась на нижнем этаже углового дома на пересечении улицы Исаакяна и проспекта Ленина.

Здесь все читают. И курят. И разговаривают. И молчат. И все это люд дурманящий запах кофе, крепкого, — только что полученной дымящейся чашечки.

— Доброе утро, барелюс! — здороваются.

— Барелюс, доброе утро! — отвечают. Вежливый народ.

— Простите, вы первый раз в Ереване? — в вопросе заинтересованность. Нет, не назойливость, а желание быть полезным. Смотрит на часы: «У меня есть время, я с удовольствием покажу вам город».

— Спасибо, через четверть часа у меня встреча с художником Ханджяном, на Каскаде, это недалеко...

— О-о... Мастер, — удивление — уважение во взгляде. — Передайте ему пожелание всех благ и разрешите угостить вас чашечкой кофе...

...Через стекло бьют лучи солнца из-за только что рассеявшегося серого неба. Дома, казавшиеся грязными по непогоде, словно за-светились прозрачным розовым цветом. Туф. Из него построен город. Из камня, олицетворяющего судьбу народа, скорбную и счастливую. И если в непогодь дома, словно крепости, мрачны и неприступны, то в солнце они радостны всеми своими прожилками и даже сухие, казалось бы, засохшие худосочные растения, карабкающиеся вверх по их фасадам, дают свежие побеги — выпускают узкие длинные лопаточки зеленых листьев.

...В Ереване осень, хотя по календарю — зима. Ну, может быть, поздняя осень: легкая изморозь, желтые купола платанов, угасшие фонтаны, под ногами потрескивают все еще осыпавшиеся, сухие от мороза листья: «Четыре или пять шагов — и нет долгов, и нет врагов, и молод в сорок тысяч лет, и за углом — кофейня». Если бы не знал, что Юнна Мориц писала эти стихи в Таллине, то подумал бы, что она сочиняла их здесь, на углу проспекта Ленина и улицы Исаакяна.

— Вам чашечку крепкого? С вас двадцать три копейки. И счастья вам в нашем городе!

— Шноракалютон, спасибо!

— Мы находимся во второй галерее Каскада. Что такое Каскад? Это завещание великого просветителя и архитектора Александра Таманяна. Еще в двадцатые годы он решил объединить верхнюю часть города (тогда было в Ереване всего 20 тысяч населения, сейчас полтора миллиона), с ее культурным центром — Оперным театром, филармонией, с главной площадью — имени Ленина. Его эскизы — как песня — строги, легки, напевны, словно строчки, брошенные на бумагу гениальным пером... Мы — только осуществили его мечты. Метро не привыкло взбираться вверх, а тут будет...

Подходим к макету: грандиозное, в несколько сот метров сооружение ступенчато поднимается на гору, туда, где уже стоит, возвышаясь надо всем городом, 14-метровый монумент Матери-Армении. Когда проглядывает солнце, оно словно ложится на ее ладони... Символика вообще свойственна армянской художественной мысли, она прослеживается и здесь.

...Да, вы заметили? — мастер задумывается. — Ну что ж, видимо это сложилось исторически — соединение реальности и мечты. Горы, скалы, клочки земли — тяжкий хлеб ее возделывания, горькая судьба ежечасной борьбы за свободу — судьба в несколько тысячелетий...

Уже потом, по пути на озеро Севан, я попросил остановить автобус, когда увидел на одной из придорожных скал рисунки, высеченные рукой древнего художника. Одна из женских фигурок тянулась к солнцу: Мать-Армения до нашей эры. Вот такое совпадение. Таблички, что это памятник, что охраняется государством и т. д. не было. «А зачем? — удивился водитель, — это память, а ее нужно хранить в сердце». Все верно: сердце — самое надежное хранилище.

Вернемся к Каскаду. — Опять соединение утилитарности и мечты: слева будет экскалатор, справа — аттракционы, закусовые, наверху — фонтан дружбы с 15 колоннами. Каждая посвящена одной из республик. Ну, а центр Каскада — ступенчатые галереи. Работы лучших наших художников будут украшать их. Например, занавес, выполненный Мартиросом Сарьясом. Открытие мы готовим к 70-летию Великого Октября, но на завершение всех работ уйдет еще 2—3 года.

...Мать с ребенком, мать с растущим сыном. Изумительный светло-пшеничный венок над головой девочки. И копья, — и стрелы, и — мечи, и — битва. Хотя это слово нужно писать с большой буквы — Битва. Знакомый ереванский журналист рассказывал: «Нет в республике человека, который бы не посмотрел «Аварайрскую битву» Ханджяна. Это национальное достояние».

Десятый век. Уже в который раз народ отстаивает в войне с персами не только, вернее, не столько свою православную веру, сколько

право на самостоятельность, свободу, независимость. Один день, и одна ночь длилась битва, и войско под предводительством национального героя Варданак выстояло против многочисленного врага.

— Для нас это одно из самых важных исторических событий. Вы видите, что начертано на картоне. Если перевести на русский, то это будет звучать так: «Смерть неосознанная — это смерть, смерть осознанная — это бессмертие».

...Мать с раненым сыном. Взгляд удивительно спокойный, благодарный: «Ты не умрешь, а если и погибнешь, то это разные вещи, сынок...». И словно в унисон — бьющие светом глаза Варданака: может быть, ему и принадлежат начертанные строки?..

— Ну, Брюсова вы узнали, а там еще — Месроб Маштоц, создатель армянского алфавита, Абовян, Паруйр Севак, генерал Андроник, Даниэл Ворузян — люди, дорогие нашему сердцу, наша память...

Кстати, вы знаете, как я начинал? Рисовал только любовь. И это правильно: молодость — это любовь, радость и весна жизни. Я и сейчас люблю — как в молодости — жену, по-отечески — детей, и по-человечески — людей, жизнь. Но все осознанней с возрастом приходит мысль — счастье нужно защищать. Мечом — как Варданак, кистью — как художник. И тогда обязательно наступит пробуждение.

Кажется у Гейне такая притча. Одному художнику заказали написать золотого ангела. «Ну что ж, — сказал художник, — наверное я сумею это сделать, но было бы лучше, если бы вы заказали мне красного быка. Я скажу больше. Конечно, я напишу золотого ангела, но он все равно будет похож на красного быка».

Это о том, что каждый художник не волен выбирать тему, она выбирает его, она его властелин. Моя тема — борьба за свободу — мысли, воли, счастливой жизни на земле. Во все времена. А пынче, пожалуй, особенно... Я не оратор, но мысль понятна?..

Понятна. Понятна, дорогой Григор Серпухович, успехов вам и пожелание... впрочем, пусть его выскажет тот пожилой рабочий, один из немногих, что строит вместе с вами Каскад — дорогу Дружбы сердец наших народов. Помните:

— уже смеркалось, кофе остыл, и беседа наша подходила к концу;
— кто-то постучал, вы удивленно вскинули бровь: не привыкли, что мешают во время работы, — но дверь открыли;
— он смущенно мял кепку в руках:

«Мастер, я недавно здесь работаю, разрешите посмотреть?».
Картину смотрел долго, не отрываясь, потом поклонился и сказал: «Трех жизней Вам, Мастер, от имени меня и моих детей...».

Он не знал, этот человек, всех ваших регалий — что вы, Лауреат Государственной премии СССР, действительный член Академии художеств страны, член правления Советского фонда культуры. Он просто поклонился светлому и прекрасному таланту, искусству которого, как известно, если он действительно талант, всегда служит народу.

А зимой в Ереване действительно поздняя осень. И уснувшие до весны фонтаны, и скрипучие листья под ногами. Но когда выглядывает солнце, город преобразается: сверкает и искрится розовый тuff, и кажется, что вот-вот наступит весна. Одно из толкований весны по-армянски, впрочем, как и по-русски, — пробуждение.

С добрым утром, люди, барелюс!

Ереван — Петропавловск

ЗРЕНИЕ ДУШИ

Был ворох снимков, и полоса уже была сверстана. Осталась маленькая «дырка» — для текстовки. А что тут напишешь? На фотографиях осень — желтая, осыпающая все вокруг себя этой своей желтизной. «В чем проблема?» — заглянул к нам в редакцию республиканской молодежи Володя, бывший по своим делам в Алма-Ате. А через пятнадцать минут выдал:

Деревьев медных купола,
Как будто их начистил дворник.
Звонят вовсю колокола
В осеннем праздничном соборе.
О, птиц прощальные уста,
О, золотой поры мгновенье,
Нет ничего, лишь красота,
Достойная самосожженья.
И эта даль, и бесконечность...
Пусть будет вечным этот миг,
Да вот замечено людьми,
Что красота недолговечна.

Цитирую по памяти, хотя потом эти стихи вошли в один из его сборников. У В. Г. Шестерикова их шесть. В работе — седьмой. В плане двух алма-атинских издательств еще две его книги очерков о земляках североказахстанцах и декабристах. Последняя тема (а более обобщено — тема совести) — давнишняя его боль. Помню поразившее меня много лет назад «безмолвно строгое каре на гулкой площади Сенатской». И дальше;

А до свободы — два шага,
Но трудно их сейчас осилить....
Кругом в глубокие снега
Была закована Россия.
Еще миг светлый в далеке,
И — не дожить им до рассвета,
Но у Каховского в руке
Дымится дуло пистолета!

Боль поэта... Она не утихает, даже когда все вокруг чинно-пречинно, но обнаженностью души он чувствует колючесть казенного газона — обстриженные ростки чистоты и нравственного человеческого начала.

Он пишет о многом. Сейчас, когда он ушел из газеты на «вольные хлеба», мне кажется, старые его думы еще более обострились. Но не прибавка свободного времени тому причина, а само время напряженнейшее и раскаленнейшее до предела. И все же он не торопится с новыми стихами, вернее, с их опубликованием. Но не выплещуться то, что на душе, не может.

...Пока заваривается чай, он садится в кресло напротив: «Слушай, мы вчера тут говорили...». Вот что получилось:

Как казним мы порою себя,
Не увидев, хотя мы и зрячие,
Как мелькнула однажды судьба,
Что была только нам предназначена.
Где ее затерется след —
Нам не скажут ни горы, ни реки,
Я ищу тебя тысячу лет,
А живу лишь всего-то полвека».

Как рождаются стихи? Когда? И зачем? Ответить могу только на последнее. Увидев своим зрением то, что видят другие, поэты открывают нам это свое видение, и спектр наших взглядов становится шире, многообразнее. Для того она и поэзия.

В. Г. Шестерикову — 50. С днем рождения, Володя! С юбилеем, Владимир Георгиевич!

3 июня 1989 г.

Книга воспоминаний об Иване Шухове

Мне кажется, на эту книгу нельзя писать рецензию. Как писать рецензию на жизнь человека? В этой книге — жизнь Шухова Ивана Петровича — большого русского писателя. Нашего замечательного земляка. Земляка всех тех, кто знает и любит его произведения.

Жизнь есть жизнь, рано или поздно приходит время, когда приходится повторять издревле известную присказку: «Если будем живы...». Начиная новое большое дело.

А дел таких у Шухова было множество. И на эту книгу, вышедшую недавно в свет, давайте смотреть не как на венец с муаровыми лентами, а как на продолжение жизни и работы писателя, людей, его знающих и любящих. В их сердцах — его сердца частица.

Каким он был, Иван Петрович Шухов?

«Обаяние, вызываемое простотой обращения, обнаженная доверительность, незамутненная искренность, когда видно доньшко души, — что покорило меня...» (Дмитрий Снегин, «Иван»).

«Он был очень земным в своих привычках, но мало я встречал людей на своем веку, обладающих столь безошибочным, я бы даже сказал, артистическим вкусом ко всему истинно прекрасному и поэтическому, чем одаривает нас жизнь» (Алексей Брагин «Возвышенное и земное»).

«...Жил в станице Пресновской один из ее граждан. Вставал с восхода солнца. Ходил босиком по росистой траве. А потом садился писать книги. Гордится Пресновка, что смогла воспитать такого сына». (Ада Дихтярь, «Солнце над Горькой линией»).

От народа, плоть от его плоти — вот родословная писателя. Северный Казахстан, где сошлись Сибирь и Восток, где в борьбе за существование нашли себя в тамырстве, дружбе русской бедный земледelec и бедный казах — скотовод, — родина писателя. Сабит Муканов в своем очерке «И. Шухов и его первые романы» вскрывает исторические и социальные корни дружбы казахов и русских, рассказывает о начале творчества своего друга-земляка, о значении «Горькой линии» и «Ненависти», вошедших в золотой фонд многонациональной советской литературы.

Теплотой, искренней привязанностью к И. Шухову прозвучал в сборнике и рассказ другого замечательного казахского писателя Габита Мусрепова «Дорогой мой земляк и друг». Мальчишками, живя в соседних селениях, встретились они впервые, и, уже став зрелыми людьми, долгое время были соседями, жили «дверь в дверь». «Мало сказать, что более чем за сорок лет пребывания в рядах Союза писателей я был с Иваном Петровичем близок душевно и творчески. Скажу так: своей искренностью, добротой и оригинальностью он вносил, как говорили в старину, божественный дух дружества — дружбы чистой, благородной, той, что не знает ни зависти, ни корыстного расчета. Поэтому рядом и вместе с ним всегда столь хорошо дышалось и работалось».

Естественность, доброта, безыскусность в любой среде, в обращении с разными людьми, — вот они, приметные черты характера большого писателя. Недаром в тридцатых годах основоположник советской литературы Максим Горький писал Шухову: «...когда читаешь Вашу книгу («Горькая линия» А. О.) — чувствуешь, что Вы — как будто были непосредственным зрителем и участником всех событий, изображаемых Вами, что Вы — как бы подслушали все мысли, поняли все чувствования всех ваших героев. Вот это и есть подлинное, настоящее искусство изображения жизни силою слова».

И не изменилось это стремление быть в гуще народной (да и как оно могло измениться, если оно — органично) и через много лет.

Дмитрий Снегин вспоминает, что во время целинной эпопеи «Иван надолго перебрался в родной ему край, безвыездно жил среди хлебопашцев, механизаторов, строителей, секретарей райкомов и председателей сельсоветов. Вместе с ними вбивал в промерзшую землю первые колышки, по ранней ростепели прокладывал первую борозду, по осени собирал первый урожай. Первыми начали публиковаться в центральной и республиканской периодике его пахнущие живительным полынком и загаром здоровых людей живописные очерки о воистину героическом житье-бытье первоцелинников».

И позже, уже будучи редактором «Простора» — журнала, который писатель вывел на всесоюзную и международную орбиту, все таким же неумемным остался Шухов. Вновь и вновь возвращаясь к истокам своим, родине, памяти, пишет Иван Петрович «Пресновские страницы».

Что помогло писателю до конца лет держать себя «на полном накале?» Высокое понимание народности писателя. Московский журналист В. Гольцев рассказывает о совместной поездке в Америку в 1959 г.

«Да, мы хотим, побывать в Гарлеме, — с твердой настойчивостью сказал Шухов. — Нас интересует, как живут черные трудящиеся США».

Гид досадливо поморщился.

— Иван Петрович, Вам предлагают радио-Сити, а Вас так и тянет на что-нибудь «очень красивое». Это у вас что — профессиональное или имеется поручение?

— Да, имею поручение, — уже совсем зло отрезал Шухов. — Поручение моего народа».

...И во всех своих произведениях Шухов был представителем народа. А. М. Горький писал: «...Автор — человек даровитый, к делу своему относится вполне серьезно, будучи казаком, находит в себе достаточно смелости и свободы для того, чтобы изобразить казаков

с беспощадной и правдивой суровостью, вполне заслуженной ими». Алексей Максимович ставил роман «Независть» в один ряд с «Брусками» Панферова и «Поднятой целиной» Шолохова.

Не хотелось бы раскладывать, да и пикто не имеет на это право, жизнь писателя по полочкам. Нужно вспомнить самого Ивана Петровича, определяющего творчество, как постоянную «работу души». Вот почему очень ценны те воспоминания, которые помогут читателю взглянуть на эту работу как бы глазами близких людей — его сына, друзей, земляков. В сборнике есть прекрасные страницы сестры Есенина — Александры Александровны, проникнутые истинным чувством к «Ванечке», как она его называет.

Воспоминания высвечивают фигуру большого и прекрасного человека, русского писателя Ивана Петровича Шухова — веселого, молодого в компании друга и любимого поэта Павла Васильевича; мы увидим его, посуровевшего и озабоченного, в годы Великой Отечественной войны, когда он, редактор пресновской районной газеты, приехал к своим землякам на фронт в 1944 году: присутствуем на дружеском розыгрыше в стенах «Простора» (в сборнике опубликованы воспоминания долгое время с ним работающих — П. Косенко, Ю. Герта, А. Беянинова и др.), побеседуем от его имени с П. Бажовым, А. Фадеевым, А. Мартыновым, А. Твардовским, прекрасные поэтические строки которого, взятые эпиграфом к одному из произведений И. П. Шухова, можно по праву отнести ко всей его жизни:

Я счастлив тем, что я, оттуда,
Из той зимы,
Из той избы,
Я счастлив тем, что я не чудо,
Особой, избранной судьбы,
Мы все, почти что поголовно,
Оттуда люди, от земли.

«Я открываю книги в добротном коричневом переплете с золотым тиснением, в которую большой труд и вдохновение вложили составители Владимир Ермаченков и Илья Шухов. И сразу вижу на рисунке степь и в небе журавлей, и буйство облаков, и табунный, стремительный — до горизонта — бег. Это «общая наша родина». Переверните страницу, и вы увидите ее за окном пресновского кабинета писателя. Та же неяркая северная красота. Иван Петрович склонился над книгой. Он работает. У него впереди большая жизнь. В наших сердцах.

ЕВСЕЛЬЕВЫ

В Рождественку я приехал утром. Управляющий третьим отделением Пресновского совхоза Василий Иванович Кухтин отсутствовал, был в поле. В пустующем здании конторы никого нет. Лишь в освещенной комнате за столом на свежееобтруганное древко прилаживал красную матерью человек лет 55-60 в болоньевой куртке, с морщиистым лицом, над лбом которого, словно парик, висел пучок седых, густых еще волос. Мозолистыми руками — будто из одних узлов да переплетений вен и состояли они — человек собирал матерью, а затем медленно протягивал сквозь нее дерево. Медленно потому, что левая рука была покалечена. «Фронтовой отпечаток» — подумал я. Познакомились.

Петр Ефимович Шульга Действительно бывший фронтовик. Еще до того, как зайти в контору, я видел возле клуба обедник сельчанам, погибшим в годы гражданской и Великой отечественной войн. Фамилия Шульга встречалась там не раз. Впрочем, как и фамилия Вилков, да и другие, братья, сыновья, о которых мне рассказал Петр Ефимович. Шульга работает заведующим клубом недавно. До этого он все работы переработал. А лет семь назад тяжело стало, вот и подыскали полегче. «В казачках, — расмеялся Шульга. — Раньше одно что-то делал, а сейчас все вместе — агитатор я. С утра в конторе, сходишь на ток, выедешь на поле к комбайнерам, поговоришь, посоветуешь. Вчера передовикам звездочки на бункер рисовал — Александру Егоровичу Вегелю и Александру Васильевичу Вскобою. И молодежь у нас неплохая. Работящая. Вот, например, Ваня Евсельев. Отличный парень: и в спектаклях играет, и в институте, по пимаешь ли, учится, уважительный, советы слушает. Да вот, — Петр Ефимович махнул шевелюрой в окно, — мать его, Ольга Нестерова, пошла.»

Об Иване Евсельеве я слышал в районе. Первый секретарь Пресновского райкома комсомола Владимир Лянищев рассказывал: «Хороший комбайнер, член обкома комсомола, заочно учится в институте, одним словом, комсомолец что надо», — польтожиил цану беседе Лянищев,

Я догнал Ольгу Пестеровну. «Здравствуйте». Ольга Пестеронова прикрыла правой ладонью глаза: «Будьте здоровы».

— В гости приехал. О сыне хочу написать.

— Так чего ж о нем писать? Вчера два часа стоял, комбайн барахлил. Это куда годно-то? Уборка, а два часа в сторону? Ни... — голос у старшей Евселевой ласковый, с мягким украинским акцентом. Мы пошли по деревне. Вся Рождественка — двести дворов. Дома наперечет. Каждый день обходит эти дома Ольга Пестеронова — почтальон она. И хоть мало домов, устает. Часа полтора нести тяжелую сумку, набитую до отказа газетами, журналами. А выписывают здесь много: и «Сельскую жизнь», и «Комсомолку», и областную, и районную, и «Советский экран» — умалешь. К концу путешествия у меня даже плечо слегка зануло, а у нее — в пятьдесят с лишним лет?

Пока мы ходили, обстановку в семье я уже знал, Иван женат. Дочке уже два года. Таня, жена, преподает в Рождественской восьмилетней школе. Тоже, как и Иван, учится на четвертом курсе института заочно. Он в Челябинском сельскохозяйственном. Она — в педагогическом.

— Тю, как весной разведется, месяц дома лет. Она в Петропавловске, он в Челябинске. А я с Петром.

Петр, Петя — это внук. А назвали так его в честь старшего Евселева. Пришел солдат с фронта. Дождалась его жена. Дети народились. Сначала Валентин — в сорок седьмом, в сорок девятом — Иван. А через год шел Петр Евселев с работы — и трактористом он был, и комбайнером — молнией убило. Целевая смерть...

— Всю войну прошел. Ранен был много раз, и тут — Ольга Пестеронова отвернулась. — Намаялась я с ними. Один набедокурил, другой динит. Родственников у меня — никого. А мужчины не здесь живут. Хоть колхоз и помогал (колхоз у нас тогда был, назывался «Трудовой гурток». Это значит, все вместе, гуртом работаем), лиха хватала...

Замуж Ольга Пестеронова еще раз не вышла, детей выпячила, вырастила, в люди вывела. Валентин интурман, на Украине летает, женат, дети. Да и Иван человеком стал, уважают его сельчане. «Трудовой гурток» стал отделением Пресновского совхоза. Жизнь изменилась, стала лучше.

Мы шли возле сломанных саманных землянок, а рядом стояли домики, где совхоз строил, где сами. Почти над каждым возвышается антенна — значит, и телевизор у каждого.

— Ну, сравнили... Иначе жизнь, конечно! Вот и машины личные завели. — Ольга Пестеронова считает по пальцам — один, два, три. А я смотрю на ее пальцы, руки, которыми она выпячила детей, выкарабкалась из «лиха», и хочется мне, вопреки описательному жанру очерка, обратиться к ней через газету:

«Дорогая Ольга Пестеронова!

Знаком я с вами всего два дня. Но спасибо вам за эти дни. Я видел ваши руки в работе, как быстро вы собирали за стол, когда уставший сын пришел с работы. Я видел ваши пальцы, ловко передающие внушонка, младшего: Петра Евселева, — бедный малый, вовремя не успел попроситься на двор. Я удивился, когда вы, Ольга Пестеронова, этими пальцами тащили мешок картошки — не хотелось никого беспокоить, да и донести-то, как вы сказали, всего два метра,

Я видел, как эти натруженные руки лежали на коленях и отдыхали, как может отдыхать человек после тяжкого дня.

Я не видел ваших пальцев, когда всю тяжесть крестьянской работы они выполнили в годы войны, когда вы закрывали ими глаза своего мужа, не было еще меня тогда. Я не видел их, когда вы целовали своего сына, я тогда сам маленький был. Но хорошо, что вижу их сейчас.

Помните, мы шли по деревне и кто-то спросил, указывая на меня — кто это? И вы сказали, словно выдохнули: сынок. Так просто и естественно, как рост дерева. Спасибо вам за это. Спасибо вам, что эти пальцы — люди есть. Такие же руки и у моей матери, у многих матерей, вырастивших послевоенное поколение. Спасибо за это им.. Будь моя воля — слово мать я писал бы с большой буквы».

К вечеру стало холодно. На машине, поехавшей за хлебом к комбайнам, я добрался к Ивану. Махнул рукой. Комбайн, тяжело пыля, остановился. В пыльном комбинезоне, с лицом, все поры которого забиты пшеничной пылью, словно всевышний спускается на землю, сошел хлебороб. Парень с узкими полосками блестящих глаз. Сели на землю. Покурили. Поговорили.

— Ну, все, пять минут прошло. — Иван поднялся. — Извини, работать надо. Вечером приеду, поговорим. Почевать у меня будешь: гостиниц у нас нет. Маму зовут Ольга Нестеровна. Она меня лучше, чем я сам себя знает, а там и я приеду. Да скажи, чтоб без меня Петра не баловали.. — Последние слова уже были еле слышны: «СК-4», включив фары, тяжело пошел по полю.

Что движет людьми в работе?

Особенно в дни, когда работа должна быть самоотдачей человеческих сил? Настроение. Уборочное настроение. Чувствуешь какой-то прилив сил, когда смотришь на эту землю — такой прилив чувствуешь, когда слушаешь гимн.

— Земля — субстанция жизни. Мы получаем богатство от нее. Недаром говорят: земля — мать богатства, труд — отец его. Это особо применимо к уборке. Ведь еще говорят: никакая глыба золота не перевесит крошку хлеба..

Хлебороб пришел домой за полночь. Таня с сыном спала, намаялась тоже: с учениками картофель собирали до вечера. Пошел ливень. Евселев зашел в сени, отряхнулся, прошел на кухню.

— Если бы не дождь.. Тыфу, дьявол, все не вовремя. — Шапка полетела в угол. Ольга Нестеровна зашла в кухню, неся в руке тарелку с борцом: «Сынок, переодевайся, ужинать будете».

— Да, извини, я сейчас. — Через пять минут Иван умытый, в новой рубашке, присел к столу:

— Подводит нас небесная канцелярия. Только что дождь хлестал, три дня погодил и по новой. Хлеб ведь какой вырастили — по двадцать и больше центнеров с гектара! Убирай да убирай. Хорошо, если дождь сегодня пройдет. Да и то — завтра из-за росы да сырости раньше полудня не начнем.

После ужина Евселев по моей просьбе рассказывал о себе. Просто, открыто, как мать. Дел у Ивана много. До того, что кажется немислимым все успеть.

— С Таней мы на репетициях встретились. Я ее, конечно, до этого видел. А так, познакомились.. Играли мы тогда «Обуховке нужны чудачки». Я — Валентина, она — Пастельку. Я по ходу действия

Влюблен в нее был, так и влюбился. Кстати, у нас многие в самодеятельности участвуют. Я не понимаю тех, кто говорит, что здесь, в деревне, скучно. А когда скучать, если интересно?

Комсомол, конечно, многое дал. В 1971 году я в партию вступил. Вот так..

В окна бились крупные капли дождя. Получались удары, словно руки, сжатые в кулак, бросались с силой на крышку стола. Было поздно.

Утром следующего дня, раненько, мы с Иваном хлопали по грязи к конторе. Механизаторы в масляных комбинезонах не разговаривали, молча курили: погода никуда. Я зашел к управляющему, взял сводку работы. Вышел. Ивана уже в конторе не было. «У комбайна», — буркнул кто-то. Я пошел туда. Евсельев сидел у своего «СК-4». Он докурив папиросу, выбросил ее щелчком. «Красиво у нас, — помолчал. — Ну, прощайте, покопаюсь пока в моторе».

Я уезжал на понутке, хлеб с тока повезли на Пресновский элеватор. Погода начала проясняться, солнце засветило вовсю, мазками света раскрашивая североказахстанскую осень и делая ее похожей на осень с полотен Лесвитана.

Пресновка — Петропавловск

*Посвящен 30-летию Победы
советского народа в Великой
Отечественной войне.*

ТРИПТИХ ПОБЕДЫ

По вечерам в комнатухе на первом этаже общежития завода имени Кирова было многолюдно. Со знакомыми скульптора приходили их друзья и знакомые.

Гуськом они пробирались в не слишком освещенную комнату в несколько квадратных метров, наполненную спорами, табачным дымом. По вечерам он не работал. Лишь изредка подходил к массивным кускам глины — лиловой, коричневой — и подиравлял еще неопутимые черты еще невидимой фигуры — разрез глаз, линию изгиба..

Работали только его ученики — и те, кто пришел продолжать старую лепку («Иваныч, я поленю, а?»), и те, кто занимался у Маслова в любительской киностудии (Иван Иванович ведет эту студию на заводе уже несколько лет).

Сам Маслов ваял по утрам. Вода, руки, глина. Руки, глина, вода.. А до этого, во время этого, да и после — были думы. Нет, не о конкретных образах, которые воплощает, — о теме. О войне.

Все это должен отразить его триптих. Что это, в центре? Взвившееся пламя боя? И лица упрямые, непокорные, как вера в правое дело. Или сцена после боя. Люди выстояли и в огне — и стали бронзовыми от этой страшной закалки.

Символично изображена фигура Матери. Она молода. Дочь той, что в дни войны звалась Родиной-матерью.. Их было много, отправивших мужей — почти мальчишек — на фронт, ждущих с войны братьев, возлюбленных и, растивших сыновей. На правой части триптиха все смотрят, чем бы ни занимались, туда, где идет бой, где во всеготовности стоят, обняв руками автоматы, Защитники. Все, кроме одного. Малыш на руках матери смотрит на вас, он улыбается. Детство, так ловко устроившееся на груди матери, всегда остается детством. Но от тех лет остается вместе с запахом теплого его молока еще один — запах дыма и его горький привкус как напоминание, вечное и немеркнущее..

Левая часть — радость Победы! Да, Знамя, не сложенное ни разу и поднятое сейчас простым солдатом, рядовым Победы. Рядовым народа, доказавшего раз и навсегда свое величие и тогда, и через тридцать лет — на века!

А солдат устал. После боя присел прикурить, отдохнуть, вспомнить, быть может, тех, кто дома, сиротать на груди документы погибшего друга.. Но через секунду вновь может застрекотать вражеский автомат, и он поднимется, чтобы заслонить собой друга, мать, свою Родину...

Триптих был установлен на территории завода имени Кирова в дни празднования Дня Победы. И каждый день сюда приходят рабочие посмотреть, вспомнить, подумать..

ХУДОЖНИК РАСТЕТ НА ЗЕМЛЕ

— Нати, дитки, попробуйте хлеба.

...И Мария Антоновна протянула нам хлеб. Каравай был выпечен ее руками. Добрыми и шершавыми. Украинский каравай из казахстанского хлеба. Что может быть вкуснее его?

За окошком бежали домики, ровные, стройные. Они спускались к озеру. Полтавка, село. А вокруг ромашки, бесхитростные цветы нашего детства.

Если встать посредине этого цветочного половодья, не устоишь, опьянеешь. Можно только лечь, закинув за голову руки, и смотреть высоко в небо.

В. П. МАНЗЯ: Помню как-то весной шел я к городу по дороге. Догнал мальчишек с целыми охапками цветов.

— Зачем вам столько?—спросил я.

— Так.

— Они увянут, особенно те, которые вы несете в берете.

— А мы вялые выбрасываем...

Они не чувствовали еще красоты для всех — красоты, цветущих на поляне цветов. И увядающие могли выбросить, не сберечь их.

— Василий Петрович, травинку мы спасем, лишь не сорвя ее?..

— Точно, вроде бы мелочь... Хлеб — он ведь тоже цветы.

— ...Нати, дитки, попробуйте хлеба. И мы ломали каравай. Белый, рассыпчатый хлеб, пахнущий жаром огня и рук материнских. Что может быть вкуснее его.

В. П. МАНЗЯ: Да ничего. Я ведь в войну хлеба почти не видел. Не было его, весь сдавали. На семена такой лимит, как говорят сейчас, оставляли, что едва на сев хватало. Хлеб моего детства — картошка. Недавно был в Москве, попал случайно на выставку кулинарного искусства. Там из картофеля около 40 блюд было представлено. «Фрикассе» и прочая снесь. У нас в войну не меньше было: с крапивой, жмыхом, капустой, шелухой...

А хлеб я рисовал. Серьезно. Мне дядя с фронта трехугольнички с чистыми листками присылали. Разведешь сажу, чем не тушь? А уж вовсе радость, когда свекла есть — красные чернила, да красит, что надо.

...Дядя присылали. А отец до войны иногда настоящей акварелью жаловал (хоть и дорого, черт), а, махал, рукой, пусть его, может, толк и выйдет. Не дождался Петр Данилович. Еще в 41-м, осенью, когда разбомбили колонну североказахстанцев под Калинином немецкие асы. Хотя тут и асам-то не нужно было быть — в колонне раненых больше половины.

Свидетели тому есть, кто вернулся и рассказал. И знает об этом сын Петра Манзи — Василий. И картина его «Отцовская высота» тому свидетель...

В. П. МАНЗЯ: Эта тема одна из ведущих — «Отцовская высота» — обелиск на вершине горы, где он погиб, еще «Горелое. Разъезд». Если помнишь, там домишки перед кручей, а по круче эшелон с танками, пушками. А возле домишек — детишки и матери смотрят ему вслед. Войне вслед.

...Мальчишка убежал от войны. Мать — в платье разноцветном с поясочком, закусив уголки косынки в горошек — подталкивала его к отцу: проводи. Плакал мальчишка и убегал. Еще не осознавая того, что произошло, но понимал, что произошло ужасное... Отец не обиделся, жаль только, не успел сынишке переслать для его «малевания» несколько чистых треугольничков бумаги.

В. П. МАНЗЯ: Недавно сделал «Проклятие» — уголь и пастель. И заревом — взрыв, и обугленные руки тянут к закрытому взрывом солнцу огромные деревья... Это тоже тема войны. Не той, которая прошла. Вообще любой войны. Любого преступления против человечества.

...И мы возвращаемся с «Горелого. Разъезда». И он никак не успокоится. Вспоминает сестру Шуру, комсомолку, которая в первый год войны села на трактор, и едва закончив курсы в Токушах («Как учили в те годы? Научилась заводить — и все») стала вместе с подругами чуть ли не основной механизаторской силой в колхозе.

...Вспоминает, как счастьем было для них собирать колоски — «провеем, обмолотим, передерем на жерновах — хоть лепешка да получится».

...Вспоминает деда Полосухина, научившего его первому мужицкому труду — «валенки катать, да печки класть». И, улыбаясь, добавляет: «Мастерство, оно ведь тоже от печки танцует».

...А по Горелому все также стучат поезда. И везут они тоже тяжелые, как в те годы, машины — «Кировцы», да комбайны. И слызуты их так же грозны, этим теплым и летним вечером, когда мы вернемся домой, и его мать протянет на теплых руках каравай и скажет: «Нати, дитки, попробуйте хлеба!»

Вольфганг Гесс, строитель, помогающий вместе с другими товарищами из ГДР реконструировать одно из предприятий Петропавловска, подошел в выставочном зале к художнику и спросил через переводчицу, не сможет ли он приобрести вот эту картину мастера — «Яблонька».

В. П. МАНЗЯ: Ты знаешь, эту яблоньку я встретил на прогулке, в окрестностях. И так сердце забрало. Долго я бился, пока не по-

нял; есть в ней что-то от... березки. Да, да, не смейся. Березки — мои любимые деревья. А тут какое-то родство. Потом шибануло — свет! Вечерний, мягкий, он какой-то отсветок давал белому цветению яблоки, что... ну хоть убей, береза!

И самое интересное, спрашиваю я его, этого строителя: что мол, поправилось? Он говорит: а в этом, мол, вся ваша природа северная — неброская и вместе с тем прекрасная.

Володя Шестериков, наш поэт, как-то писал: «Пусть нет реки диковинной, а просто есть Ишим...», и дальше «Чем красота не ярче, тем ярче красота». Понял этот немец наши чувства, наш край...

— **Василий Петрович, тема родного края, «неяркой яркой красоты» — ведущая (послевоенная) тема и этой персональной выставки, и всего вашего творчества...**

— Конечно, я ведь здесь родился, вырос. У меня было два учителя, которых я считаю «первыми» — Елена Ивановна (не помню фамилию, помню, что эвакуирована из Минска), преподававшая в Полтавской школе эстетику — образовавшийся человек, научившая нас, детишек, любить природу, не вне, а в связи с человеком, и Акраб Кудайбергенович Жубанов, преподаватель Петропавловского педучилища, у которого я прошел азы художества. Ему я обязан тем, что он различил во мне и укрепил на всю жизнь, желание писать.

Да и, честно говоря, просто подкармливал меня в тяжелые послевоенные годы.

— **Желание писать... Тут можно понять и в прямом смысле. Вот несколько лет рядом с гравюрами появляются ваши этюды. Я позволяю себе процитировать один: «Тот, кто видел, как взлетает стая фламинго, сравнивает ее с утренней зарей. У меня есть маленькое перо этой птицы. Я берегу его. На нем кусочек утренней зари. Подарил его мне хороший человек, мой друг... Он всю ночь просидел на копне сена на берегу озера, чтобы увидеть фламинго.**

Один человек проводит ночь в засаде, чтобы увидеть редкую птицу и подобрать обранное перышко. А другой может нажать на спусковой крючок, чтобы убить красоту.

Помню еще в детстве я слушал лебединную песню. Весенним утром белые птицы пролетали над селом. Но что-то пустое сердце расколело утреннюю песню выстрелом. Стая рассыпалась. А я радовался, что ни одна птица не упала. За огородом птицы снова выстроились в цепочку, но песни уже не было. Я услышал только короткую переключку».

В. П. МАНЗЯ: Да, подобные вещи у меня выходят все чаще и чаще — почти во всех центральных журналах: «Советской культуре», «Казахстанской правде», любимой «Ленинской смене», в «Молодой гвардии», предполагается выход моей книги «Хлеб растет на земле», где будут собраны литографии с лирическими этюдами...

Итак, я предчувствую последний вопрос, дети?

— Совершенно верно.

В. П. МАНЗЯ: Я учитель и художник, поэтому, работая с детьми, преследую две цели — учить их прекрасному и самому у них учиться. Как говорили древние: мастер, научи ученика, чтобы было у кого учиться.

Их фантазия стихийна и свежа и это их восприятие мира, каким они его видят, — замечательно, оно художественно по самой своей сути. И у них, и у нас кое-что получается. Возьмите...

И он протянул мне книгу детских рисунков.

Память сердца: 40 лет, как отгремела война. Время проходит, а память остается в каждом, кто пережил суровые годы войны, кто испытал на себе боль потерь и разлук, но не оставил при этом надежду на встречу.

ЖЕНА СОЛДАТА

У нее однокомнатная благоустроенная квартира в новом доме. Старый дом — да и не дом, вовсе, развалюха — снесли. Из вещей перевозить мало что было, — диван, буфет да шкаф. А оставила полати, на которых порой звучно сопели сначала дети, потом дети детей, не считая сынишек племянницы, которой в годы войны и после помогала, чем могла; та из блокады Ленинграда страшных тех лет приехала. Хотя «приехала» — не то слово; и Ладога, и дальний путь через Каспий — не трамвай — слишком долгая поездка получается.

Она всех жалела. Жалеть — значит, любить, поясняет Даль. Словарь этот баба Лина и в глаза не видела. Из души ее и таких, как она, русских женщин сами вырастают такие слова-понятия.

Год — 1941, месяц — сентябрь, число 21. Обратный адрес; Челябинская область (письмо брошено, видимо, на полустанке); «Добрый день, привет, Лина, Юра, Валя, это ваш отец Федор Данилович, еду живым, здоровым, станция Саранск, до свидания, писал Обогрелов Ф. Д.».

Юрий Федорович уже отгулял пятидесятилетие, чуть младше Валентина Федоровна так что отца они помнят не очень. В их воспоминаниях, лишенных объективности в силу малых лет, — осталось, пожалуй, самое главное — образ, впечатление. Возможно, они возникли в закоулках детской души подсознательно; отец — значит, мужчина, глава семьи. Может, это подкрепилось снимком, что до сих пор висит переснятый и увеличенный; он и она — мама и отец. Она чуть наклонилась к нему, словно ища опоры.

Таким в жизни он и был. И профессия под стать тому облику — кузнец, «железный человек», как говаривали в сибирском присеке, откуда переехали они в Петропавловск.

Дети в какой-то степени повторили биографии, вернее, жизненные позиции родителей; Юрий Федорович Обогрелов — рабочий человек, бригадир на заводе, Валентина Федоровна (по мужу Шагурова) —

медсестра в родильном доме — основа, крепость корня и рядом — милосердие, теплота, ласка.

Письма — второе, третье, четвертое и пятое — были написаны в течение нескольких дней и так же немногословны — не очень учен был кузнец Федор Данилович, красноармеец Обогрелов. Только по обратным адресам и можно определить продвижение одного из эшелонов 314-й стрелковой дивизии, увозившего североказахстанцев на фронт, на смертную битву с врагом. На битву за детей, жен, матерей, за родной очаг, за Родину.

Письмо шестое, 7 сентября, Тихвин, Ленинградская область. «Добрый день или вечер, здравствуйте, Лина, Юра, Валя. Привет от папы. Сообщаю о себе — пока нахожусь в дороге, были под Ленинградом, находились от фронта в 50 км. Сейчас обратно погрузили на поезд и послали на Москву, сейчас едем на Ленинград другой веткой, и не знаю, куда нас привезут. Писал из города Вологды. Пока все вместе городские. Лина, шибко не беспокойся и не плачь. Пока до свидания, ваш папа Федя. Целую вас, Лина, Юра, Валя. Привет Михайловне. Обогрелов».

Это письмо было последним. Привет Михайловне, старушке, у которой снимали хату, был передан. И вскоре — извещение, то самое «Согласно письменному списку персональных потерь на фронте, красноармеец Обогрелов Ф. Д. в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, — пропал без вести 20 сентября 1941 года».

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии. Приказ НКЮ СССР № 138 от 15/III 1941 года, Петропавловский горвоентком, майор...». Все.

— Все ли?

Не стала вдовой баба Лина, Ирина Ивановна Обогрелова. Потому что до сих пор надеется и ждет. И воспитывает. Теперь уже правнуков. И каждый год, 9 Мая, в День Победы, ходит на встречу ветеранов. Хотя те, кого сна видит в этот день уже на протяжении сорока лет, едва ли что могут сообщить или добавить нового. Но — ходит, но — ждет.

А время идет. И мало надежды.

Но надежда живет — в детях-внуках. Пусть она проявится и в правнуках; Ивашке, Ильюшке, Павлике и Антошке. Вот почему я подчеркиваю это горькое слово «вдова» и пишу о бабе Лине — с большой буквы — Жена солдата.

И снова звонит колокол

(праздник 1000-летия православия в Петропавловске)

С удивительной, очищающей силой, к нам пришло сознание, что все мы материалисты, и верующие, являемся наследниками великой духовной традиции. Ведь именно с ней вошли в нашу жизнь истины добра, милосердия и любви — истины, забвение которых дорого обошелся человеку.

Колокола зазвучали ровно в пять вечера. По ковровой дорожке из собора встречать архиерея — епископа Алма-Атинского и Казахстанского Евсевия — в узорчато вышитых стихарях, одеяниях, которые мы привыкли видеть только в фильмах, вышла его «свита». Сам он, в митре, с посохом, с крестом и панагией на груди направился к храму, благославляя и приветствуя встречающих. И были хлеб-соль и целования руки первосвященника. «Встреча со Славою» — так называется этот обряд, корнями уходящий в далекое прошлое, коему тысяча лет; архиерей прибыл в Петропавловск, на юбилей русской православной церкви.

Запись в блокноте; «Заключилась служба благодарственным молебном с крестным ходом и уставными многолетиями в честь главы Русской православной церкви патриарха Московского и всея Руси Пимена, в честь великой страны нашей и верующего народа. В ходе богослужения было оглашено приветственное архипасторское слово к клирикам, частному инокчеству и мирянам по случаю тысячелетнего юбилея».

...Вот и весь текст. Многие остались за строками официальной отчетной информации, записанной мной со слов священнослужителей — увы, некоторые термины я услышал впервые. Так же, как впервые увидел и церковные одежды, и услышал мудрые, идущие от души пасторские слова о мире и милосердии.

*Перед тобой вновь
чистый, белый лист.*

А. Ошеский

СТИХОТВОРЕНИЯ

Я ДУМАТЬ О ТЕБЕ ЛЮБЛЮ

«Я думать о тебе люблю...»
И потаенно и открыто,
Когда тревожно бьется птица
В мое замерзшее окно,
Или когда вздыхает чайник,
Что был зажжен рукой чужой...
И мысль мне кажется простой:
    Как жаль, что ты сейчас не рядом,
И чтоб проверить мысль мою,
Тихонько двери отворю
И вновь слова те повторю,
Что повторяю ежечасно;
«Я думать о тебе люблю...»

Не отменяется любовь,
Как отменяют непогоду!
Не отменяется погост,
И надпись, в камне;
«Им от роду...»
Не отменяется Вчера,
Ушедшее сегодня в Завтра,
Не отменяется Всегда,
Существования с Вами,
Не отменяются глаза
Зачем глазам вдруг отменяться..
Не отменяется стезя
Встречать, прощаться
возвращаться.
Любимая, не запрети
Считаться с именем господним,
Любимая, не возропщи,
Когда предстану неугодным.
Когда однажды! в тишине,
Как метроном, ударит болью..
Но это будет, впрочем, после,
Не думай плохо обо мне!,
Не запрети в июньский день,
Украдкой радостно увидеть,
Как серебрится твоя тень.

* * *

Я вас так люблю,
Как будто ~~вечер нагоняет снова ночь,~~ *осень поднимается кучками,*
Как будто ветер прогоняет тучи прочь,
Как будто вечер нагоняет снова ночь,
Я вас люблю.
Город одинокий
В своем скитании по улицам своим,
В своем безлюдии во множестве толпы,
В своем безбрачии от этой красоты,
И все на свете: только я и только ты.
Я вас люблю.

* * *

Я читаю календарь,
Я считаю календарь:
В октябре четыре дня
Близко видел я тебя,
В ноябре не повезло;
Не видались как назло.
В декабре видались раз,
В январе ни разу..
Вот февраль — короткий месяц —
Свел четыре раза нас!
Март, апрель, текучка мая..
Зачеркнул рукою враз,
Я люблю Вас, дорогая,
Как тоскливо мне без вас!

Город одинокий, тих, нем.
Ходит меж своих улиц, сам.
На неделе дней — семь, семь.
Я их никому не отдам.
Каждый день тебе,
лишь тебе.
Ну а ночь я заберу.
Чтобы думать так:
город нем.
Ветер веет лишь
на гору.
Но одежды — дождь.
дождь, дождь,
Всколыхнул моих
улиц тишь.
Знаю: все ты врешь,
врешь, врешь,,
Что же ты молчишь?,
Так омой меня,
ливня свет.
Каплей упади
с листа.
Чтоб не билось все;
«нет, нет».
Чтоб услышать все же
«Да».

* * *

Любовь незнает утешенья,
Хоть прикоснись к ней только раз,
Так отблеск прошлого свеченья
Не отзовется видно в нас.
Изведай муку, боль разлуки,
Пройди и хлад ее, и жар,
И протяни любимой руки
В последний раз,
В последний раз

* * *

Конкретность — враг воспоминаньям,
Как бумеранг, вернутся в срок
То время, чувства и желанья
И страсть невыписанных строк!
В пространстве, осени, как точка,
Та комната одна-одна..
Хлестали листья желтых строчки
Из листопадского ружья.
И в танце, яростно летящем, —
И мы, и осень, и любовь,
И где-то рядом проходящий
И нас врасплох заставший дождь.
И утро в небе вызревало,
И ты была, и ты была,
И краской потекли реклама
Над «Центраптекой» у угла
И все. Природа отметалась,
Как полный штиль — нет волн и гроз
Хочу прийти однажды рано,
Без ложных мыслей, дум и слов.
Приду один, вдохну тот воздух,
И постою, и помолчу,
И опалю воспоминаньем
Всех проходящих на углу.

* * *

Вновь хочу за работу
Я засесть и писать
С ночи пятничной и на субботу
У тебя время красть.
А тебе — и не жалко
А тебе — все равно
И тебе — беспечально,
Тебе лучше — в кино.
Не жалею романа,
И себ я не виню,
Было много тумана,
Но и света — чуть:чуть.
Отдохну и забуду.
Ты войдешь, (припомнишься?) — той одной.
Что когда-нибудь будет
В строчках названа,
    Близкой, родной.

* * *

Пусть что произойдет — произойдет,
Пусть больно задохнется ветром,
И новый пусть начнется свет,
Тому в что веришь иль не веришь.
И новый первый купишь стул,
В ту другую новую квартиру,
Возьми хоть временно отгул.
На возведение зданья мира,
...Мирись с собой, в борьбе — разлука
В ней пребываешь сам с собой
И вынесь хоть претерпишь муку
И вспомни: я всегда с тобой.

* * *

Ночь тиха, как работа бухгалтера
И никто не гуляет в ночи
Только окна напротив распахнуть
До утра, стало быть, до поры.
Электричество с шелестом светит —
Электрончики бьются боками —
Может кто-то за шторами бредит
Сладким сном и шевелит губами.
С треском легоньким лампы погаснут,
Скоро: город готовится к завтраку,
Ночь, снимай же свои нарукавники,
Утро будет красное и ясное.

* * *

Было: лес, изба, охота,
Было; вечер и костер,
(Нет надежнее оплота
На волков бросая взор —
Те же выли проклятые,
И собаки жались вокруг)
Было: каши просяные
И тушенка, чарка, вдруг,
И была командировка,
Три стоянки, два столба,
Пцрх.... винтовка
Только не было тебя.

* * *

Ушла, Спокойно. Ляг, Лежи.
Лежишь? Теперь дыши, дыши,
«Любимый друг другого оставляет,
Лишь испросив согласия души».

• • •

Если кропко посчитаться,
То наверно я не прав.
Но не лев по крайней мере,
(если может показаться).
Просто тут виною прав.
Тут родня виною злая.
Воспоившая меня.

* * *

Тютчев, Фет, поля, низины,
Щелест, трепет, мотыльки,
Я шагаю и шагаю,
Подбирая стебельки.
Надкушу и брошу к шее,
Чтоб колело за спиной —
Чтобы чувствовать природу —
Звон цикад и летний зной,
Крепнет воздух, тяжелеет,
Над рекой встает гроза,
Стебелек на моей шее —
Как уснувшая звезда.

★ ★ ★

В каком-то тихом полушепоте
Колонн серебряных — берез,
Осеннем праздничном Акрополе
Колков, что распластали
    поразвесили во поле
Мешки своих сережек — слез,

Как будто вплавлены в
одно, щемяще верно, всеоткрыто.
И в мир запахнуто окно. А жизнь вот
здесь, — из нас отлита.

Багряный цвет, рябин
кусты. И одинокий холм соломы.
Осеннее капрично.

Мы молча вышли из машины,
Внизу сияла Алма-Ата;
Во глубине огней долины
Стояла полночь. Красота,
Роберт сказал- «Давай поссим».
И мы штанишки расстегнули,
Звезда упала, И косым
лучем пошла. И мы смекнули:
Прекрасен будет этот миг,
И эта ночь, шоссе, машина,
Звезды упавшей тусклый блик,
И орошенная долина,

Говорил наш поэт: по карману стучите,

Пустоту выбивайте, монеты ища

Я, ходил и стучил, вы с меня
не взыщите,

Что возьмете, с пустого кармана
взыщете?

Дом печати. Базар. Хлещет пиво
сапожник.

Кривоногая девка стоит с газводой,

И жара. И жара... Так хотелось
окрошки!

Так хотелось души, чтобы рядом
с тобой...

Лирические размышления по поводу хронического
безденежья в последние четыре дня пребывания в
Алма-Ате.

***

Только холод, только скука
И прохладны небеса
И отсутствие добра,
И наличие недругов
И откуда все взялося
Нелетело — ай ай-ай.

...Все это, в общем барахло, пора лететь..
Прощай, столица,

ВОСПОМИНАНИЯ О КОМНАТЕ
С. КОЛТИНОВА.

Окно трагически темно
Бордовы шторы, прикрвая
Стекает свет — тепло-тепло,
Вчерашний день провозглашая.
Одна затяжка за другой,
Воспоминанья, размышленья.
Луна уходит на покой,
Разрушив горечь сожалений.
О том, что было и прошло —
Лишь свет ее в окно стучится..
...Все это, в общем барахло,
Пора лететь: прощай, столица!

Алма-Ата

Когда закрыт аэропорт
Мне в шумном зале вспоминается иное:
Поля окрестные мокры,
Во сне летя во весь опор
Негромко лошади вздыхают за стеною,
На сто губерний ни огня, ни человека,
Ах, постоянные дворы — аэропорты века

Сидеть нам вместе до утра
Давайте с Вами познакомимся получше
Из града Славного Петра
Куда скажите вы торопитесь поручик?
В края обвалов и жары
Под брань начальства и под выстрелы
абреков

Ах...

Когда же ехать не идти
В любом столетии, в любое время года
Разъединяют нас пути
Объединяет нас лихая непогода,
Ах, как друг к другу мы добры
Когда бесчинствует респугица на реках
Ах...

Какая общность в этом есть,
Какие зыбкие нас связывают нити
Привычно чокается здесь

Поэт с фельдегерем —
гонимый и гонитель.

Оставим споры до поры —
Вино заздравное — печали
Лучший лекарь....

Ах...

Тоска дорожная, да
Будочник калека,
Ах...

Пора прощаться нам, друзья
Окошко низкое в рассветной позолоте,
Неся нас в разные края,
Рванутся словно лайнеры
на взлете,

К. Чупрову.

Давай, Коль-Коль, присядем,
у подножья,
Тої горки, что по над,
рекой Ишим,
Здесь тайный уголок,
уют лишь здесь возможен:
Сиди и слушай, слушай, и дыши!
Вокруг мы знаем все,
да и окрест нас знает.,
Здесь каждый кустик,
с нами говорит,
Цветок, подросший,
счастье обещает,
Незлой соседний пес,
восторженно молчит.
Траву — не будем рвать,
валяться, как в колхозе,
Травинку мы спасем,
лишь не сорвя ее.,,
...Старик, Коль-коль,
ведь мы в одном обозе,
Хотя искусство —
каждому свое!

4 VI 1979 г.
«На родительском пятачке»

* * *

Ну как не выразить восторга,
И самых разных пожеланий,
Всё ярка юности подборка,
В пятнадцать лет полно мечтаний.
Навалом жизни, света, «завтра».
И лишь чуть-чуть «вчера» и тьмы,
И лишь чуть-чуть, того что было.
И много, много будешь ты...
...О, свет Олег, сын Валентины,
Живи, грешни, дерзай, и здравствуй —
Такая должность у мужчины,
Как и у женщины, пожалуй..

* * *

Чувствую сомненья: он не знает
что он хочет,
Готов всю жизнь отдать
Чтоб только вас видеть..

Это год — 1977 — равен
Миллионам других для других.
Для меня — он миллион для меня,
год одна тысяча девять семь семь.
Ясно?
Этот год 1977 ой, особенно осень
1977 должны носить
твое имя, имя **Валентины**

Хоть уходящее неясно,
Присходящее светло,
И ночь бросает свет атласный
В твое делакое окно.
Зависимость: зима, и осень,
Всего то несколько деньков.
Как будто брошенная озимь,
Разделит время в шесть рядков,
Почувствовать рукой шершавой,
Потрогать, что в земле храня
Тает... И вдруг отчетливо привспомнить
Тюмень, середина сентября.

* * *

Мороз ударит — наледь сверху
И звонок даже всплеск тупой
С которым ухаеся тетерев
С сосны под снег с голубизной,
И параллелями, забавами,
Лыжня ту наледь застрочит. И
день короток как будто с вами мы,
от парикмахера —
и стрижены и бриты.

* * *

Твое лицо устало от печали,
Оно устало от того, что вдруг,
Встречается с моим лицом, пожалуй,
И от того, что сумерки вокруг,
А рядом смех, какой-то юный, звонкий,
Как та зима, полозьями скрипя,
Промчавшаяся словно птица тройка,
И прихватившая тебя,
И потом на полустанке,
Рассыпались гурьбой, крича...
«Ты с нами, с нами, Таня, Таня...»
«Я с Вами...» Мне:
    «Но без тебя...»
Друзей теряем, как иголки,
И ищем, ползаем потом,
Как часто всколыхнется болью,
Тот полустанок, то лицо.

Люблю я русское похмелье,
За ширь его, его размах:
И огурец из погребенья,
Что льдинно хрустнет,
на зубах;
И грамм холодной, чистой водки,
Чтоб чарка только — зелена,
Чтоб теплотой от самой глотки,
И до желудка, обожгла,
И разговоры о вчерашнем,
И губы красные, как сок
И морды, морды.. Им в Калашный,
(что говорят в Москве) рядок.
И радость обновленной плоти;
И мысль, что в голову вошла,
Как праздник, И стучит, как плотник,
Слезой прихлынув, — чистота.

Пусть все, что происходит, —
происходит.

Пусть день, что нынче, —
в завтра переходит

Пусть пьет лосенок
млеко у лосихи

Чтоб стать, как папа — лось,
красивым

Пусть на рассвете в дальнем,
синем море.

Играет с солнцем
милый дельфиненок

Пускай сверкает свежей!
детской грудкой.

Как в чистом поле
глазки незабудок.

Тот буйный тек весны,
Крикливый водный говор,
Деревья, как цветы,
Ухожены тобою.
Исходят небеса,
Своей небесной силой
..Своим прекрасным сном
Забудутся глаза.
И ты, что аромат,
Цветущий и плывущий...
И в трепете пространств.
Струит мечта твоя.

г. Петропавловск,
28 V 79 г.

...Песчаные дюны, холодное море,
Усталое солнце, баржа на приколе.
Глазок объектива и чужд, и неясен;
Природы в нем отблеск искусственно,
красен,
И рядом один. Или двое, наверно,
Ведь то, что в душе — не единственно,
Верно, А двойственно: место отыщется,
другу. Любимой. По издревле,
Ясному кругу вращается жизнь
Не боясь улыбнуться, а ты все
Грустишь, забывая проснуться,
И видеть — и дюны, и море, и
солнце,
...И бросить любимой цветы,
На оконце.

* * *

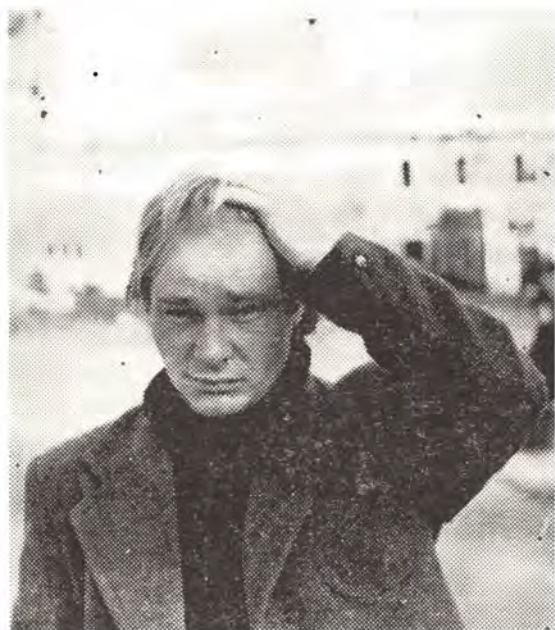
И когда шатаюсь, город
Кроны выгнет тополей,
И когда осенней сворой,
Сбросит листья, на людей.
...Да., тогда уж будет поздно
Говорить про чудеса,
Про коней, что с мастью звездной,
И про женщины кирно слезных,
Женщин, не любящих нас.
Вспомним прошлые причуды
Что прошли — и нету их,
И отчаемся в разлуке
И отчаемся в разлуке:
Также плохо и без них,

★ ★ ★

Занавеской из серого ситца,
Дождик небеса завесил за окном,
Можно, расскажу тебе потом
Отчего так грустно мы живем.
Не мешать же мне дождику литься?..

..Но только чуть — поправка голове.

* * *

Давно не знал я русского похмеля
Чтоб голова и голос — не твои
Чтоб отголосок бывшего веселья,
Мучительно покалывал в виски.
Но дух здоровый встретивших тебя.
И огурец из погреба — желанен
И разговор «Вот ведь даешь, мерзавец!»
Приподымает — было все вчера.
Сегодня — радость вновь принятых
граммов
Но только чуть — поправка голове
Да и прибавка, словно телеграмма
О горести, — и волос в седине,

Все больше в жизни взвешиваю...

★ ★ ★

Осенних листьев кружевных
Видение для меня и летнее
Но на трамваях окружающих
Та остановка не последняя.
Лети мой лист.
Заплатой на асфальт
Дай бог, себя еще покажешь,
Все чаще нажимаю на стопкран,
Встречаю утро меди, плешью
Все меньше хочется глико — Шампань
Все больше в жизни взвешиваю.

Не трогай язык, колокольный стожильный.

По улице Царской не едет извозчик,
 По улице Спасской не конка дрожит
 Коль время проходит,
 То может не стоит
 Язык колокольный трясти.
 Забьется, ударит в соборный, отборный,
 Металл-властелин, — словно груша скроен,
 Раздастся веселый, Турой разнесенный,
 Сибирью отлитый, эпохой кален
 Раздастся беременной речкой, что в весни
 Собой затопляет себя самое.
 И нет в нем малины, и нет перепевки
 Вечернего звона, кандалных цепей
 А вместо малины степей холодина;
 А вместо цепей — тут цепочка сметртей.
 Великих и средних, и просто ретивых
 Простых революций, простых сыновей.
 Не трогай язык колокольный стожильный
 Старик покосился, что рядом сидит
 Подумал — обидеть хочу старожила
 Что стан лишь ржавчиной, висит, дребезжит.
 А время проходит, а время грядет
 По улице Царской не ездит извозчик,
 По улице Спасской троллейбус идет.

Тюмень 1977 г.

ОТКРОВЕНИЕ (ПЕРЕПЕВКА СТУЧАНИЯ ДВУХ СЕРДЕЦ)

Был бег стремителен и тонок,
Как перезвон колоколов,
И раздавался легкий топот
И умирали вдали веков,
Он умирали круги от камня
На глади озера степной
И звук тот уходил и падал
И вместе с ними, и я — и конь,
И не запомню то мигновенье,
Когда два существа — одно
То было будто бы откровенье
И между ним и между мной.

Отлетела в небо искра,
Шелкнул прутик под огнем,
Далеконько или близко,
Затаежились с тобой?
Милый пес, краса и гордость,
Древнемудрых стариков,
Все хвостом виляешь бодро
На призыв; «Всегда готов»?
Ах, кобель... как там подружка,
Не изменит ли тебе?
Дай, плесну в собачью кружку,
Сердцу станет веселей
Лучше сказка, чем от были
Сердце схватит, как кинжал.
— ' ..Хоть бы волки что ль завыли,
Иль сохатый закричал?..

Сургут, Локосово

НЫНЕ ВАМ

Нет слов — скажу я вам сегодня
Нет слов — я завтра сообщу
Да.. попонки эти так бесплодны,
О том, что выразить хочу,

Цвета уходят в купола
И мановеньем рук слепого
Из красного и голубого
Возникнет сплав и сердца

и огня.

Цвета уходят в купола
И растворяются в искусстве,
И на желтке яично-мудром
Скрепляют сплав тот небеса,

А жизнь распорядилась так:
Заря заутреню отслужит,
Труба взвьется в поднебесе,
И глас ее, волнуясь, вдруг
Растает в дымке мгlistой,
И рошица — деревьев триста,
Деревьев — молодых берез —
Как будто ветер их потрес
Уронят юные сережки.
И вот звучит предельно птица,
Гавот звучит так серебристо,
Как будто в слаженном окрестре,
Старинном, где играют
Те, кто музыку за Время
  почитает, —
Естественной, как лес
Иль роща. — из молодых
Берез (их триста) и
Уж гармония так близко,
Что кажется она — весь мир.

Ищу людей — не как человека
Ведь люди — тоже человек: 」
Давно считается калекой
Кто одинешенек вес век,
Ищу людей — запомнить рад бы
Обозначаемость черты,
Присущей этому богатству —
Всебратству нынешней судьбы.
Ищу людей — пропавших рядом,
Не в гуле войн, а — суеты
Ищу людей — сестру и брата,
Конкретных членов красоты.

У варшавян украли три машины,
Усы в рассрочку, ментик под заклад,
И не поймешь: не то веселый дождик,
Не то покрывший душу снегопад.
Любовь крепка, испытанна бумага, —
Вдруг легким росчерком абрис плеча
И отлетит последняя отвага,
И догорит последняя свеча,
А утром дождь, под зонтиком прохожий,
Свет фонарей печален, зыбко — мглист,
У варшавян опять украли что то..
Перед тобой вновь чистый белый, лист

Я вчера купил материю на рубашку цвета хаки
Говорят она удачна или это только враки?
Или это только шутка, как со смехом прибаутка,
Как печаль с песчаным светом?..
На исходе уже лето,
И уже роняет вишня свой затейливый узор,
И уже глядит со смыслом
мой соседский пес Трезор,
Все как-будто понимая,
но отнюдь не принимая
Ту удачу, что пришла,
заглянула, снизошла, —
От войны — войны осколок,
Только цвет как-будто в осень..
Плюс дешевка, три рубля,
боже, как люблю тебя!

И ниже детства высота...

★ ★ ★

Увы, всему ведется счет
Векам, годам и дням в рассрочку,
Переплетаем в переплет
Отлитые минуты в строчку.
Уходит в прошлое мечта,
Реальность вытесняет сказку,
И ниже детства высота —
Так учит бытности острастка,
И хорошо коль ты не внял
Сей вечной лжи и — все шагаешь.
..Ты четверть века разменял,
Быть может, рубль разменяешь?

*Человеком иметь быть назначено.
Человеком, так и будь им...*

А. Осинский

**И РАСПЛАЧЕМСЯ,
И РАСПЛАТИМСЯ...**

Боткинская клиника. Ночь падает снег, на весь огромный город, медленно оседает на соседний Беговой, где ярко-красно светятся крупные буквы «ЦИ» — Центральный Ипподром.

Владимиру Шестерикову

Мог бы и черкнуть, друже, адрес то я твой не знал.

Ладно, краткие сведения (не для моей мамы, только для тебя) — хотели удалить селезенку, но поскольку поражены еще и ворота печени (что это такое, до сих пор не знаю) — влупили химию, теперь облучат и вповь химия. Церепошу стоически. Анатомизмами не интересуюсь, так как псевденне — лучший способ быть храбрым.

Клиника — чудо и я к этому чуду теперь прописан навсегда, чисто «их клиент», да еще «блатной» — по блату, как по эстафете моей нынешней профессорше обнинской меня передал мой профессор московский.

Но не будем о грустном.

Написал и немедля получил ответ из Орла. От Коли Чукрова. Он все еще устраивается. Что это такое — объяснит при «личной встрече», видимо подскочит ко мне в один из выходных.

Сегодня, 15 февраля, впервые выйду на воздух после трехнедельного заточения, осмотрю город. Здесь талоны — на сахар, масло и т. д., но кормят отлично, прикупаем только горькое, соленое и противное. Прекрасная библиотека, так что читаю, читаю, читаю....

Извини, эпистола — не мой жанр, заканчиваю, Передай привет шефине — обязательно.

И — пиши.

* * *

Володя. Получил, Спасибо. Помосму очень и очень. Извени, что отделываюсь краткой отпиской — четвертый день — 38-39 Сил нет, зараза, плюс трясушка (старикам ни слова, сказал, что маленький грипп), отметили облучение. Так, что после вылечки (дней 10-14) опять...

Буду дома не раньше конца марта, а то и в начале апреля.

Все. Постельный режим. Лезу под одеяло, заглотав очередную партию таблеток.

Привет Ниночка и конторским, если увидишь.

15.02. 1989 г.

Василию Елисееву

...Сукачев поведал о твоей жизни, прислу — разберусь и сделаю ее бурным и радостным потоком, как изящно выразился Амедео Модельяни, для нас с тобой просто мода. Судьба, Василий, должна быть обнаженной, как его великие ПЮ — немного грубой, но до конца откровенной. Чувешь, как пробиваются нотки зрелости в осмыслении нашей быстротекущей социальности? Хотя сильно я не обеспечален — все, в принципе, верно, — но, думаю, — мы, это люди, которые делают свои жизни интересными, как впрочем, все писатели. Эта мысль мне пришла в ванной. Вода текла по моей изуродованной, мыльной мордашке (фурнкул около уха), мне было тепло и водянисто, я был счастлив. Хочу еще заметить, что тонко, но верно вызревает мысль развеять мифы о беспорядочности нашего бытия и доказать всему этому дерьму, что главное наше предназначение совершать работу души, — одну из самых трудных работ человечества. Правда, говорят, где тонко, там и рвется.

Крепись, старик, сумрачные времена грядут, самое хорошо в это время глотать желтое дешевое вино — в нем наше искушение и сила.

Остаюсь Шуриком.

Неотправленное письмо

г. Петропавловск, 23 марта 1979 г.

Старик, что-то тяжелее и тяжелее жить на этом свете, зовущемся белым. Все реже любимиче, все больше времени уходит на неустречи с ними, и куда-то все не туда плывет от этого наше мужское бытие.

Хочется завести сына и плюнуть за окно.

У тебя он есть, тебе легче. Может, и у меня есть дочурка светленькая и белолобый пацан?..

Только и остается, что шелестеть остатками волос..

В общем дед, жду тебя в пивнухе у Сережи, приду — и расплачусь, и расплатимся за ушедшее, не посетившее. Да, Вася?

Гони от себя срень и благое. Тоже гони от себя и друзей. Крепись.

Давай чокнемся бокалами доброго вина с пузырьками, как и полагается при такой встрече, Водка болезненно и никудашна, а вино молодо и дерзко, как мы, резвые когда-то.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Он был самым тихим в нашей палате. Самым незаметным. До него эту койку занимал тракторист Вася из-под Кургана. Он измотал всех. Ему отрезали полгубы, и он страшно мучился. У других тоже не сахар, но как-то терпели, даже когда неумоготу. А этот хныкал и канючил так, что когда отбыл в свое благословенное Зауралье, все вздохнули.

Николай Николаевич был молчалив. У него было что-то с ногой. Он едва ходил, волоча ее, всем телом опираясь на палочку. Днем в палате почти не бывал, сидел в коридоре, и утопая в мягком кресле, читал. По ночам, укладывая у себя на груди маленький приемник и вставив раковину в ухо, он засыпал никому не мешая.

Мы знали, что он недавно вернулся из-за границы, работал двенадцать лет в Венгрии, в торгпредстве. Раза два или три его навещала жена, строго одетая, интересная женщина, чуть моложе его, лет 55.

Один раз звонила дочь, прямо на санитарный пост, называла его Н. Н., этому звонку он был очень рад.

Ему сделали операцию. Опухоль на нерве (на нервном стволе — сказала лечащий врач). Оказалась доброкачественной. У нас диагноз не подтверждается редко. И эту весть он принял благодарственно и тихо. Такой вот благодатный человек.

Я просыпаюсь и смотрю на часы. Поздно. Два ночи. За окном, в темноте, как-бы нехотя пробрасывает снежок. Завтра дворникам он доставит хлопот. А сейчас ночь и он старается никого не беспокоить; тихо падал снег, гость небесный.

...Вы не спите?

— Нет, — говорю я, — глядя на часы, — с двух до трех у меня воспоминания о любимой, — и тут же осекаюсь:

Вам плохо? — в глазах Н. Н. такая боль.

— Чепуха, сердце шальнуло... Извините. Я заметил, вы иногда по вечерам... Он замаялся.

Я понял, что он имеет ввиду. Это (заболевание) нужно лечить облучением. К середине курса теряется аппетит, или того хуже — воротит только от одного запаха или вида еды. Врачи это знают и не очнь замечают, когда вместо валерианки, мы принимаем кое-что покрепче; и закусишь. И заснешь лучше, — а нам нужно хорошо спать и отдыхать. Спать и отдыхать. Завтра будем гулять по первому снегу. к

— Может не откажетесь со мной? У меня в тумбочке.. Я понял. Помог достать из его тумбочки коньяк, очистил апельсин, плеснул в стаканы,

— За Вашу ногу.

— И за вас. Вам сколько осталось?..

— Недели три облучения, потом химиотерапия. Мы выпили, вяло пожевали дольки. Он улыбнулся. Хотите удивлю? Сегодня я впервые в жизни избил человека.. Да не удивляйтесь, во сне.

— Вам сколько сейчас, тридцать? А мне лет двадцать пять я тогда в Госплане работал.

— Во сне? — что? не понял он. Да, и в жизни и во сне.

И вот возвращаюсь я из командировки, из глубинки радостный, что скоро увижу жену, дочку, пешком от Савеловского полтора часа почью под дождем. Открываю дверь, чтобы не разбудить. Тихонько так прохожу в комнату..

— Дурацкий сон..

В общем его знали Толя. И что меня поразило, я это узнал, когда увидел его нос — прямой и какой-то спокойный нос. Из-под одеяла торчит. Я почему-то понял, глядя на этот нос, что его зовут Толя. А рядом жена стоит, халатик запахнула. Стоит напуганно, дрожит, а в глазах злость и упрямство; «Все равно, мол я его люблю, и хоть убей». Кстати, халат этот, в котором она стояла, я привез ей в подарок и он должен был лежать у меня в портфеле Фантасмагория какая-то; нос, Гоголь.. И я бью по этому носу ребром ладони, как в кино, и нос этот удлиняется, потом я его наматываю на кулак и начинаю его бить об стену, и это уже не нос, а сам Толя. И я не в беспамятстве, я все осознаю, но мне хочется все крушить, крушить — и его, и ее, и себя. А у нее в глазах все тоже; «Убей, а я его, его люблю, и он мой»..

Мы молчим. Делаем еще по глотку, сжевываем по дольке.

— Знаете, что обидно, говорит он, конечно я понимаю, что это здорово, что это обошло меня, но вот ступня, сказал врач, — и он чуть шевелит пальцами правой ноги, — едва ли будет сгибаться, а это для водителя — у меня ведь машина и дачу недавно купил — недалеко сравнительно, 60 км от Москвы — все.. Ну, да ничего, у жены, у дочки права есть, а я, как пассажир. Буду пассажир на пенсии..

— Вы не осуждаете меня? — спрашивает меня III — человек вдвое старше меня.

— Нет, я не осуждаю. Я делаю вид, что я силю. Но даже сквозь закрытые глаза вижу, как тихо падает снег на весь огромный город, наш Боткинский проезд с его знаменитой клинкой, медленно оседает на соседней Беговой, где ярко-красно светятся крупные буквы «ЦИ» — Центральный ипподром», завтра по его знаменитому кругу, по свежему снежку с храпью пробегутся застоявшиеся за ночь племенные рысаки. Именно застоявшиеся — они спят стоя, лошади.

Спит в своей кровати десантник Валерочка с вырезанной селезенкой, еще не знает, что через месяц он выйдет из клиники под ручку с медсест-

ричкой Танечкой, наверное им хорошо, если им еще долго идти вместе по жизни..

Спит прокурор славного города Тбилиси Сулико Ладарсабочич, не догадываясь что после операции на горле — фитюлька, сидящая там, действительно кажется ничего не значащей фитюлькой — он вновь обретет голос...

И мне б пора уснуть. Нужно. И в полусне произношу «спокойной ночи». И я засыпаю, не зная, что утром проснусь не от того, что сестра будет совать под мышку градусник, а от ее легкого вскрика. Потом все забегают, засуетятся и понесут на носилках. Н. Н. Когда Н. Н. уносили, левая рука у него была прижата к сердцу, ее никак не могли проложить вдоль тела, хотя по всем медицинским параметрам сердце у него было в норме.

★ ★ ★

Шесть. В палате шесть больных.
Двое. Присмерти двое.

★ ★ ★

Принимаю ошибки свои,
Все-грехи, все огрехи, все беды
Чтобы раз задохнуться в ночи
От дурного с засвитстами ветра.
Много жил, а вдохнуть не успел
Не успел прикипеться губами
Изойтись, как кобыла боками.

. . . . .

Спасение не придет шоткуда.

★ ★ ★

Человек хранит нелепость. Произойдет что-то нехорошее, гадость, подлость от судьбы — и за это время, время разлада души, когда ты и не человек вовсе; виски сжимаешь, мучительно ищешь выход из гнусности... Потом и приходит просветление; о чем это я? И ясно становится; жить-то еще да жить и не груз это, а так... И успокоишься; человеком иметь быть назначено, человеком, так и будь им, отринь слюни и мелочевку, отринь злобу на нелепость, а с благодарностью отнесись к ней-роковому случаю — после чего духовное просветление...

Нас в палате несколько.

Выматываешься. Слева постанывает. Это необходимо, этого достаточно, чтобы хоть чуть-чуть чувствовать себя живым. Иначе никакого отличия от тех, кто рядом. А иногда хочется быть на их месте, на мраморном парапете, холодным и абсолютно ни о чем не думающим.

Ни-о-чем.

Счастье.

Я ВЫШЕЛ К ШЛЮПУ

Вокруг шумело большое море. По берегу брел Евсенч — Костяная нога. Прихрамывая, он обходил свои владения. Он думал о Коста, который погиб более тридцати лет назад на этом берегу.

...Рядом с подпрыгивающим от конвульсий телом валялись пустые обоймы. Коста вздрогнул последний раз, при этом ударился задом о шлюп. Ударился! — будто ощущение боли изрешеченное тело воспринимало... красное лицо упало в песок и зубы вгрызлись в него. Вместе с крупинками к сухому языку прилип изжеванный патрон.

Евсенч затем рывкнул, рыкнул на собаку, бежавшую под ногами и взгромоздился на шлюп. На закате вырисовывались три тени; как грозовая туча — шлюп; косматая, высветшая он, старик и как небольшое облачко — предгрозой собака Предтеча.

. . . . .

* * *

«...Наш город Тобольск, древняя столица Сибири, получит новую жизнь, и граждане в ней найдут для себя честный труд...»

Кузьма Николаев, мещанин, 1870 год.

И пойдет бумага в Петербург, долго будет ждать Кузьма ответа и не дождется. Заберется его проект строительства железной дороги от Перми до Тобольска, похоронят его в Петербургском комитете по рассмотрению проектов. Стоит ли беспокоить царя просьбами какого-то сибирского чудака.

Сила преодоления

Скорость живет в нас. Издревле.

Наверное, она родилась вместе с человеком. Как главная сила преодоления.

Человечески всегда нужно что-то преодолевать.

Например, страх.

И он уносился в темноту ночи и приносил огонь.

Или — время.

И он изобретал. Колеса. Двигатель внутреннего сгорания. Реактивный двигатель. Преодолея скорость звука, стал посещать по Вселенной со скоростью планет.

А изначальное стремление осталось.

Вот и бегаем; стометровка — в программе любых состязаний. Вот и мчимся: на велосипедах, гоночных машинах, мотоциклах.

...Это здорово, когда навстречу — ветер в грудь. А на повороте, на крутом вираже, из-под краешка шлема можно увидеть, как машет рукой она....

Та, ради которой мы преодолеваем все на свете.

И уходя, — сопротивляйся,
Но никогда не возвращайся
Ведь ты не слаб,   подумай сам

Сопротивляйся, уходя..
Но уходя, преград не оставляй
К отшельню, вечного пути,
Что пройден, не однажды кем-то.
И не однажды кем-то убисенный
Проснись живым. Пусть золото
Бледнее меди и серебром
блестит свинец. Бельмо, в глазу
у старой леди. А правда, жив
се отец?..

ВИНО-ГА-РА И-КА-МИ МЕ-НЕ-ТЕ-И ПТИЦАМ... СЕ-БЕ И-НИ-ТЬ ТРА-ВА-М И-НЕ ПА-

ЗА ВИЖУ АР-ЗЕЙ РЕ-ЖЕ-ВЫ-ТЫ-Е АИ-У,Х, САМ ШУ-ЗНА-КО-МЫ-Е

ИХ ГО-ЛО-СА. АР-ЗЕЙ АР-ЗЕЙ КУ-ДА ТИ АИ-ВЫ, ТРЕ-ВОЖА

СЫИ МНЕ И-НОГ-ДА Я СЪЕ-МИ БЫ ТА-КИТ СЧА-СТ-

АИ-ВЫМ, КА-КИМ НЕ БУ-ДУ И-НОГ-ДА.

Вл. Шестеряков.

ПАМЯТЬ

1) Вьюга за окнами мечется птицей..
стоит лишь только прикрыть мне глаза,
Вижу друзей незабытые лица,
Слышу знакомые их голоса

ПРИПЕВ:

Друзья! Друзья!
Куда ушли вы,
Тревожа сны нам
иногда.
Я с вами был,
Таким счастливым,
Каким не буду,
Никогда.

2) Все мы, как звезды однажды растаем,
В дымке тумана, в печали полей,
Сколько нас ждет на земле расставаний,
Как у рыдающих в мгле журавлей,

ПРИПЕВ:

3) Вьюга за окнами. В сердце — тревога;
Стук ли мне чудится, тайная ль весть?
Что если вдруг перед дальней дорогой,
Некому будет со мною присесть?

ПРИПЕВ:

4) Часто меня обжигает, как пламя,
Истина та, что душой я постиг;
Всех нас живыми лишь делает память,
Не забывайте друзей не на миг!

ПРИПЕВ:

СОДЕРЖАНИЕ

5 — 8 Отец о сыне

Я ПИШУ

- 9 — 23 Маленькие сюжеты.
24 — 36 Интервью с известными актерами.
37 — 38 Рецензия на один фильм.
39 — 41 Киноновелла.
42 — 45 Да здравствует песня.
46 — 49 А мы любим лошадей
50 — 52 В защиту орловского рысака.
53 Паутинка.
54 — 55 Лев Толстой, Фру-Фру и степняки.
56 — 59 Предание о Годольфине.
60 — 63 Костер на снегу.
64 — 71 Чтобы лебеди жили.
72 — 74 Три жизни мастера Ходзяпа.
75 — 76 Зрение души
77 — 79 Книга воспоминаний об Иване Шухове.
80 — 92 Очерки: Евселевы, Триптих Победы,
Художник растет на земле,
Жена солдата, И снова звонит колокол

СТИХОТВОРЕНИЯ

93 — 146 О любви, природе, искусстве, посвящения
и различные размышления.

И РАСПЛАЧЕМСЯ И РАСПЛАТИМСЯ....

- 147 — 151 Письма.
152 — 154 Память сердца
155 Шесть. В палате шесть больных.
156 — 157 Человек хранит чепелость.
158 Я вышел к шлюпу.
159 Наш город Тобольск.
160 Силы преодоления.
161 И уходя — сопротивляйся.
162 — 163 «Память» Песня, слова В. Шестерикова
музыка В. Осипского.

**Александр Петрович
ОСИНСКИЙ**

ОТЛИТЫЕ МИНУТЫ В СТРОЧКУ...

Технический редактор
Ю. Стрюков,

Наборщик Г. Алферова,

Печатник Л. Фомина

Переплетчик В. Оськина,

Литописцы:

В Хисматуллина
Л Галат,

Февраль 1996 г., облтиш 6.

г. Петропавловск